

Торжественным маршем прошли через Красную площадь в Москве лучшие представители победоносной Красной Армии. В параде участвовал сводный полк 1-го Белорусского фронта — герои Берлина. На нашем снимке: воины 1-го Белорусского фронта со знамёнами частей, отличившихся при взятии немецкой столицы. Слева направо: Герои Советского Союза разведчик гвардии старшина Н. Я. Ходосов, кавалерист гвардии старшина А. С. Гордеев и миномётчик гвардии младший сержант П. П. Шляхтуров. У ног героев лежат знамена поверженного врага.

Фото Б. Цейтлина

Киевляне готовят подарки героям-победителям. Мастера народного творчества В. Клименко и Я. Пахарева разрисовывают сервизы — подарок маршалам Советского Союза от украинского народа.

Огонёк

№ 26 [945]

Воскресенье, 1 июля 1945 года

В номере:

ПРОЗА

Константин Паустовский. — Жизнь. Рисунок А. Житомирского. Борис Порфирьев. — «Офсайд». Рисунок В. Богаткина.

СТИХИ

Сергей Алымов. — Встречная победная. Весна победы. Мих. Магусовский. — Москва незатемнённая. Борис Тимофеев. — На Анничковом мосту.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Ц. Солодарь. — Горячее сердце — холодный ум. Фото Т. Мельника. Е. Канн. — Ветеран русской песни. И. Шаскольский. — Рождение Балтийского флота.

РЕПОРТАЖ

Б. Цейтлин. — Героям-победителям — слава! Люди и события. Н. Власова и Б. Цейтлин. — Так держаты! Д. Трахтенберг. — На Анничковом мосту. С. Шиманский. — Нахимовцы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ю. Завадский. — Вера в жизнь, вера в человека. Д. М. Кара-Дмитриев. — Ходжа Насреддин. Т. Кулаковская. — У Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник. К 75-летию со дня смерти Чарльза Диккенса. Новые книги.

ЗА РУБЕЖОМ

И. Е. — На подступах к Японии. Рельефная карта.

ЮМОР

Аф. Белов. — Большой успех. Рисунки А. Каневского.

СПОРТ

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

ШАХМАТЫ

ШАШКИ

КРОССВОРД

В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ

Здесь проходили доблестные полки,
взавшие Берлин.

Арка Победы, воздвигнутая на Франкфуртер-аллее, у въезда в Берлин.

Фото Е. Халдея (ТАСС)

ГЕРОЯМ-ПОБЕДИТЕЛЯМ СЛАВА!

Советский народ гордится своей Красной Армией, её героями, прославившими в веках нашу великую родину. Это они, не щадя ни сил, ни жизни своей, в жестоких боях добились победы, какой ещё не знал мир. Благодарная отчизна восторженно встречает своих воинов-героев. Помещаем несколько снимков воинов 1-го Белорусского фронта, водрузивших знамя Победы над Берлином.

Фото Б. Цейтлина

Гвардии подполковник В. Б. Мионов — командир Н-ской части. Его пушки первыми вошли в Берлин и беспощадно громили немецкие укрепления.

Два друга — Герои Советского Союза В. С. Гаврилов и Н. Ф. Писаревский. Они вместе летали на штурмовку фашистской обороны в Берлине.

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Сергей Алымов

Какие дни, друзья мои,
Какие это дни!
Они поют, как соловьи,
Как яблонь цвет, они.

Какие дни, друзья, стоят!
Добит берлинский волк.
Москву приветствуют Белград,
И Лондон, и Нью-Йорк.

Ушла зима, пришла весна
Звонящая, в цветах.
Победу празднует страна,
Добытую в боях.

Часы тревог сменил покой —
Весь город засиял.
Никто ещё Москву такой
Прекрасной не видал.

И мысли всех — у стен Кремля,
Летят к творцу побед,
Кому обязана земля
Весной великих лет.

И песни гор и хор долин
В германский край летят,
Где знамя славы внёс в Берлин
Советский наш солдат.

Какие дни, мои друзья,
Какие это дни!
Они, как песня соловья,
Как яблонь цвет они.

В руках знаменосца гвардии старшины Гаспаряна — овеянное славой знамя части, награждённой орденами: Ленина, Красного знамени, Суворова 1-й и 2-й степеней, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого, Красной звезды.

ВСТРЕЧНАЯ ПОБЕДНАЯ

Сергей Алымов

Людской прибой растёт, крепчает,
Москва кипит волной морей.
Москва шумит, Москва встречает
Героев битв — богатырей.

Сиянье звёзд, блестят медали:
Москва, Одесса, Сталинград.
Мы вас давно, родные, ждали —
Орлы Дуная и Карпат.

Сердца народа были с вами,
Народ вам душу отдавал.
Не рассказать всего словами —
От фронта тыл не отставал.

Веселья дни для нас настали,
Цветут цветы, горят лучи.
Встречает вас великий Сталин,
И вся Москва, и москвичи.

Летит сирени дождь душистый
На дорогих, родных гостей.
Идут стрелки, идут танкисты —
Бойцы прославленных частей.

Обычай русский наш старинный
Мы сохранили, сберегли —
Героям Вены и Берлина
Поклон московский до земли.

Москва поёт, Москва смеётся —
Погибла тьма, сверкает свет.
Поклон народный полководцу,
Вождю и Маршалу Побед.

От стен Москвы врага прогнали,
Через Берлин пришли домой.
Живи сто лет, великий Сталин,
Отец победы мировой!

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ СТАЛИНСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ. Участники битвы за Берлин, полководцы 1-го Белорусского фронта (слева направо, первый ряд): генерал-майор Н. Д. Козин, генерал-лейтенант И. П. Рослый, генерал-майор В. М. Шугаев, генерал-майор М. М. Заикин, генерал-майор Г. А. Белов, генерал-майор И. М. Соколов. Во втором ряду: генерал-майор П. М. Акимочкин, генерал-майор М. Ф. Иоффе, генерал-майор Г. И. Комаров, генерал-майор М. Н. Богдан, генерал-майор В. П. Шульга.

СЛАВНЫЕ СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ. Участники боёв за Берлин Герои Советского Союза (слева направо, в первом ряду): гвардии лейтенант В. К. Поляков, майор Н. М. Трегубов, гвардии майор Н. М. Балакирев, гвардии майор Б. М. Ривкин, гвардии старший лейтенант В. С. Гаврилов. Во втором ряду: гвардии капитан Н. А. Пайденев, гвардии капитан И. А. Науменко, гвардии старший лейтенант Г. Тваури, гвардии майор В. А. Башкиров.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ—ХОЛОДНЫЙ УМ

Ц. Солодарь

Когда в холодный апрельский рассвет началась артиллерийская подготовка наступления на германскую столицу, гвардии старшина Трифон Белозубов — пожилой автоматчик с запорожскими усами — сказал молодым бойцам своего отделения:

— Артиллерия замолкнет — полетят Кожедубы. А под ними и мы в путь-дорожку тронемся...

Я удивился, почему гвардеец говорит о Кожедубе во множественном числе. Командир роты объяснил мне, что в часы форсирования Одера пехотинцам этой части довелось быть свидетелями боя над переправами шестёрки истребителей Кожедуба с тридцатью «фокке-вульфами». Этот бой на дальних воздушных подступах к Берлину, закончившийся гибелью восьми и позорным бегством двадцати двух немецких самолётов, привёл в такое восхищение пехотинцев, что они с тех пор окрестили наших истребителей Кожедубами.

Кожедуб вёл тогда свою шестёрку почти над самой землёй, вплотную прикрывая переправы, по которым наши части переходили на западный берег реки. Внезапно из-за облаков появились «фокке-вульфы». Кожедуб, мгновенно оценив сложность обстановки, понял, что надо во что бы то ни стало помешать противнику бомбить наши наземные части, надо ошеломить его стремительным нападением и вызвать на бой.

«Все ко мне!» — скомандовал он своим лётчикам и тотчас ринулся в атаку на первого же попавшего в прицел немца. Атакованный излюбленным кожедубовским маневром — в хвост с короткой дистанции, — запыхавший вражеский бомбардировщик, беспомощно кувыркаясь, пошёл к зем-

ле. Такая же участь постигла и второго немца, по которому Кожедуб ударил из всех огневых точек.

Строй немецких самолётов распался, а их бомбы посыпались на свои же войска. Только два самолёта из охваченной паникой воздушной колонны ещё пытались противостоять удару нашей шестёрки. Они-то и замыслили зажать кожедубовский самолёт с двух сторон. Но зорко следивший за командирской машиной лейтенант Громаковский заметил эту попытку и сбил обоих немцев, увлечённых погоней за Кожедубом. В те же минуты ещё три наших лётчика сбили по одному самолёту, и немцы пустились враспынную наутёк. Развив максимальную скорость, Кожедуб погнался за ними и в завершение боя сбил восьмой вражеский самолёт.

— Можете себе представить, как этот бой поднял настроение пехоты, — закончил свой рассказ командир роты автоматчиков. И, как бы в подтверждение его слов, автоматчики встретили дружным «ура» появление в небе воздушной армады, начавшей в эти минуты авиационную подготовку наступления на Берлин.

К этому историческому дню на боевом счету дважды Героя Советского Союза гвардии майора Ивана Никитовича Кожедуба было шестьдесят сбитых немецких самолётов. О каждом из них имеется лаконичная, но точная запись в потрепанной записной книжке, с которой прославленный мастер воздушного боя никогда не расстаётся. Первая запись сделана 6 августа 1943 года — в разгар нашего наступления на Белгородско-Курском направлении.

В те дни, когда наши войска сорвали генеральное наступление немецких захватчиков на Курскую дугу, Кожедуб начал воевать впервые. Он не знал горечи отступления, он не прикрывал с воздуха горестные караваны беженцев, уходивших от немецкого нашествия. Но горячее сердце молодого лётчика было до краёв переполнено мстостью. Думы о родной Украине, стоявшей под немецким ярмом, не давали ему покоя. И подлинным счастьем для него оказалось то, что первые свои победные воздушные бои ему довелось провести в украинском небе. Когда наши войска овладели подступами к Харькову, на счету Кожедуба было уже девять сбитых самолётов.

Следуя этому закону и настойчиво совершенствуя свою боевую выучку, Иван Кожедуб встретил 1944 год — год решающих побед над врагом — закалённым бойцом. К тому времени Кожедуб сбил уже двадцать вражеских самолётов. Его плечи украсились офицерскими погонами, а на груди сверкали два ордена Красного знамени. У него появились уже ученики — ему доверили командование звеном.

4 февраля 1944 года советское правительство присвоило Ивану Кожедубу звание Героя Советского Союза. Его имя было известно уже не только нашим фронтовикам, но и вражеским лётчикам, смертельно возненавидевшим воздушного богатыря. Всё чаще и чаще наши аэродромные радиостанции перехватывали полные трепета возгласы немецких лётчиков: «Кожедуб в воздухе!»

Дважды Герой Советского Союза гвардии майор Иван Кожедуб.
Фото Т. Мельникова

В районе, где он действовал, за ним, как правило, охотились два, а то и четыре немецких асса.

Был случай, когда Кожедубу, сбившему в первые же минуты схватки два немецких бомбардировщика, пришлось выдержать атаку двадцати «мессершмиттов». Возбешенные крупными потерями в результате боя с кожедубовской группой, они со всех сторон бросились на командира. Самым трудным и решающим для Кожедуба в этом бою с двадцатью самолётами было сохранить хладнокровие перед обрушившейся на него стаей. У Кожедуба нашлась нужная выдержка. Искусно маневрируя, он отбился от вражеской стаи и привёл на аэродром машину в полной сохранности.

И вот далеко позади и холмистое село Обращеевка, где протекали детские годы будущего героя, и живописный городок Шостка, где молодой библиотекарь Кожедуб впервые робко вошёл в ворота аэроклуба, осталась позади и освобождённая от врага Украина. Оттормоли жестокие бои на Днепре, над которым Кожедуб сбил одиннадцать неприятельских самолётов. Войска маршала Конева вышли на Прут — к государственной границе. Началась знаменитая яско-кишинёвская операция.

Здесь в майский день Кожедуб, возвратившись с боя, в котором он сбил девятый в этом районе вражеский самолёт, получил дорогой подарок, на котором был выведен короткий, но точный адрес отправителя — сталинградского колхозника Василия Конева: «Лучшему лётчику фронта».

Говоря о победах Кожедуба, было бы неправильно ограничиться одним только перечнем сбитых им неприятельских самолётов. А разведки, а прикрытия наступающих войск, а штурмовые удары по автоколоннам, железнодорожным составам, пехоте!

Вот его рассказ об одной «охоте» над железнодорожной станцией Скоржиска-Каменка:

— Я знал общую задачу — нарушить нормальное железнодорожное движение на участке. Было, конечно, заманчиво, свести выполнение этой задачи к удару по станции, на которой под парами стояло пять эшелонов. Но это было бы безрасчётной, не дающей эффекта удачей, так как огонь зениток, прикрывавших станцию, был настолько силен, что мою пару «сняли» бы с первого захода. Недалеко от станции на перегоне я заметил стоящий эшелон. Я понял, что если выведу его из строя, то закупорю движение всех пяти эшелонов. Замысел был осуществлён.

Этот рассказ показывает, что в самые напряжённые моменты, в минуты упоения боем, Кожедуб не забывает драгоценного чкаловского завета: «Имей горячее сердце и холодный ум».

Особенно эти качества ярко сказались в последнем бою Кожедуба над Берлином. Вылетел он на «охоту» в паре с майором Титаренко и на одной из переправ внезапно врвался в большую группу «фокке-вульфов». Используя своё преимущество в высоте, он разметал вражескую стаю и сбил два самолёта, завершивших личный счёт дважды Героя Советского Союза гвардии майора Кожедуба в Отечественной войне. На другой день Кожедуб улетел в Москву, на сессию Верховного Совета СССР, и уже там узнал, что обученные и воспитанные им молодые истребители в последнюю неделю войны уничтожили в берлинском небе более шести десятков немецких самолётов.

Тёплым майским вечером в капитулировавшем Берлине мне дозлось услышать, как молодая девушка — сержант — проникновенно рассказывала группе своих подруг:

— Помните, девчата, воздушный бой над Берлином? Командовал тогда нашими лётчиками, конечно, Кожедуб... Его самолёт можно узнать из тысяч...

Она произнесла эти слова столь убеждённо, и они были так приятны слушающим её девушкам, что мне не хотелось их разочаровывать. Я не сказал девушкам, что 1 мая Кожедуб на Красной площади смотрел на десятки тысяч своих соотечественников, парадным маршем прошедших мимо трибун с именем Сталина на устах. Я понял, как несказанно велик вклад советского патриота Ивана Кожедуба в дело защиты своей отчизны, если о нём уже сейчас слагают легенды:

«...нашим потомкам
Расскажут былины,
Как сталинцы в битвы
Воздушные шли,
Как сын Украины
Пронёс над Берлином
Бессмертную славу
Родимой земли».

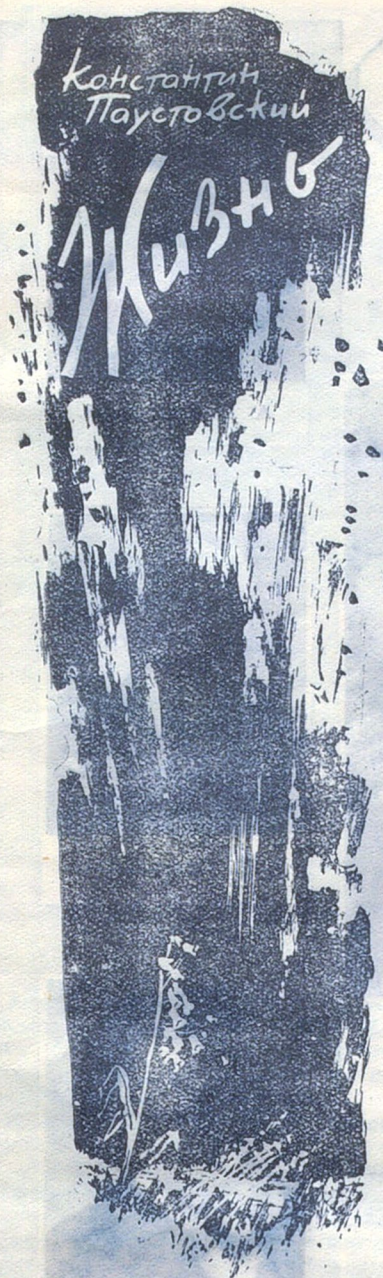

Рисунок А. Житомирского

Летом 1941 года мы лежали в степи около Тирасполя и смотрели сбоку, из-под локтя, как прямо на нас низко шли немецкие бомбардировщики. Земля была пересохла, жаркая. В небе стояли серые облака. Я никак не мог избавиться от навязчивой мысли, что облака эти покрыты густой пылью, вздымавшейся с земли, от развороченных войной дорог.

Весь день облака гудели низким многомоторным рёвом. Впервые тогда я почувствовал неприязнь к этим облакам, к закату солнца, к грозным тучам — ко всему, чем пользовались чёрные немецкие «фокке-вульф», чтобы незаметно подходить к нам и обрушивать на землю свистящие бомбы.

Мы смотрели из-под локтя и ждали. Провыли бомбы, ахнула земля, загрохотали пыльные разрывы, и горячий осколок ударил рядом в землю. Я лежал и смотрел на него. Он отливал мёртвой синевой, и его колючая рваная сталь казалась мне самым точным выражением немецкой злобы и подлости.

«Вот, — подумал я, как бы разговаривая с осколком снаряда, — ты должен был убить меня. Только для этого тебя отливали, обтачивали, заряжали взрывчаткой. Но ты взял немного в сторону и не выполнил своей задачи».

Осколок лежал на земле рядом с каким-то незнакомым мне простым цветком — разве можно знать названия всех цветов, растущих на наших полях!

На тоненьком стебле висела гроздь белых очень маленьких кувшинчиков с жёлтым ободком. Такие цветы я видел у смородины. Но это не была смородина; это было невзрачное, простое растение. Оно чуть качалось от ветра, и вдруг я почувствовал его запах — горьковатый, свежий, напоминающий сумерки в лугах, когда потянет над летней землёй холодком ночи.

Я потрогал стебелёк, подумал: «Вот две жизни. Осколок — война, а цветок — это далёкая сейчас для нас всех мирная жизнь, ради неё мы сражаемся, и её мы носим в сердце».

Мы жили последние годы особой жизнью. За дымом и грохотом войны мы видели ясное небо, трогательные излучины наших рек, заросли лесов, дымок костра, видели всё наше прошлое, родные дома, любимых людей. Непрожитое до конца счастье томило нас своей отдалённостью и оборванностью, но мы знали — всё это вернётся во сто крат более милое, чем раньше. Надо только сжать зубы и сражаться до последнего вздоха. Наш народ победил потому, что у него была за плечами большая и разумная жизнь, было счастье, были родная земля, любовь и труд, и ещё потому, что мы, русские, — добрые и талантливые люди.

Как может отчаянно драться человек, у которого нет прошлого и нет любви! Только большая любовь рождает неистребимую ненависть. Мы это испытали на собственном опыте. И в новую, послевоенную жизнь мы пришли более мудрыми и спокойными.

Когда мы говорим о любви, мы знаем, что любовь — это не только один человек. Это — всё, что окружает его, что связано с ним. Это — нечто гораздо большее, чем он. Это и книги, и споры, и встречи, и вся полоса жизни, через которую прошёл любимый человек.

То же самое можно сказать о победе. Чувство победы трудно отделить от личных событий, встреч, слов, от собственных мыслей, связанных с холодными днями прекрасного мая 1945 года.

Каждый из нас помнит до мельчайших подробностей день начала войны. Точно так же каждый помнит наступление победы.

Стояла глухая ночь — тот час суток, когда, по старинному поверью, растут во сне дети. В такие ночи из Москвы выветривается, наконец, дневная духота и дыхание лесов, сырых трав, цветущей где-то там, за городом, черёмухи заполняет пустынные улицы. Холод ночи напоминает морскую свежесть, — кажется, что черноморский бриз обдувает Москву.

В такую ночь я проснулся от мальчишеского крика. Я прислушался. «Победа! Победа! Победа!» — звонко, задыхаясь, кричал кто-то снаружи.

Я вскопчил, подошёл к окну. Какой-то мальчик бежал по переулку, стучал в стены, в окна, кричал: «Вставайте, — победа! Война окончена! Вставайте!» В его голосе были явственно слышны слёзы.

Всюду за окнами вспыхивал свет и виднелись полуодетые, растерянные от счастья люди.

Я оделся, вышел в ночной ветер, в сумрачную прохладу улиц, в радостную тьму этой единственной в жизни ночи. Уже шумели над головами невидимые флаги, рвались по ветру на запад, туда, где впервые за последние годы затихли разрывы и благословенная тишина прошла над полями сражений, усыпая утомлённых и счастливых бойцов.

Я прошёл на Каменный мост, чтобы лучше увидеть весь разворот этой небывалой ночи. Улицы

были ещё безлюдны, но Москва сияла тысячами огней, тысячами освещённых окон, — как будто за стенами домов уже начался феерический праздник.

Передо мной занималась в холодном и чистом небе заря девятого мая. Густая, медленная синева проступала над главами кремлёвских соборов и отражалась в тихой реке. Голубая звезда медленно умирала на востоке. Предчувствие солнца было в смутном блеске небольших облаков, заброшенных на головокружительную высоту над городом.

Кроме меня на мосту было несколько прохожих. Они стояли у бронзовых перил и как будто чего-то ждали. Маленький седой человек в парусиновых брюках обернулся ко мне, протянул руку и сказал всего два слова:

— Ну, вот...

Он вздохнул, отвернулся и пошёл вдоль моста. Потом остановился, взъерошил обеими руками волосы, засмеялся и спросил:

— Значит, живём, товарищи?

По мосту быстро шла, почти бежала молодая женщина. Она была без шляпы, без платка, — ветер растрепал её лёгкие волосы. Она остановилась около седого маленького человека, схватила его за руки, поцеловала, засмеялась, метнулась дальше, поцеловала меня и так же быстро исчезла в синеве этой необыкновенной ночи. Короткий миг тёплого, чужого, но милого дыхания, смеющиеся глаза, быстрые шаги, одинокая золотая ракета, пущенная каким-то взволнованным зенитчиком, её отблеск в воде и внезапная волна прохлады, запаха листьев, весны, хлынувшая откуда-то из тёмных далей!

И ясная мысль, что вот это всё, все эти частицы жизни — это и есть незаметное начало счастливых времён, начало той второй, прекрасной жизни, которую мы так долго берегли в своём сознании в годы войны.

Она здесь, рядом. Это её первый проблеск. Он в каком-то внутреннем покое, в ощущении проснувшейся радости, в этих огнях, в заре, в возгласе седого человека, в мимолётном братском поцелуе, в величавых башнях Кремля и в том глубоком волнении, от которого кружится голова, как от предчувствия заслуженного и почти неправдоподобного счастья.

МОСКВА НЕЗАТЕМНЕННАЯ

Мих. Матусовский

Отдерни штору! Сразу перед нами
Сиянье возникает вдалеке,
И город, опоясанный огнями,
Как пароход проходит по реке.

Он виден словно с горного обрыва,
Огромный и светящийся внутри.
А мы совсем забыли, как красива
Москва, когда зажгутся фонари...

Не трогай штору, подожди немного,
Опять в усталой памяти встаёт:
«Внимание. Воздушная тревога!»
Москва. Сугробы. Сорок первый год.

Когда казался сумрак сиротливым,
Когда мы ждали слов Информбюро,
Когда всю ночь прислушивались
к взрывам
Испуганные женщины в метро.

Ещё зима по улицам хлестала
Всем холодом лишений и невзгод,
И Тимирязев падал с пьедестала,
Как раненый солдат, лицом вперёд.

Ещё над каждым потрясённым зданием
Стволы зениток рывали в дыму

И ночь прямым грозила попаданием
Моей судьбе и счастьем моему...

На много вёрст вокруг светло и бело,
Куда сейчас ни выйди, ни взгляни.
Как будто человечество прозрело,
Увидев вновь московские огни.

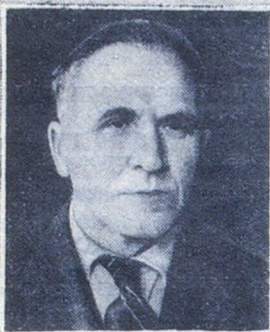
Московский вечер светится над нами,
И до рассвета больше не уснуть,
Когда Москва победными огнями
Моей земле указывает путь.

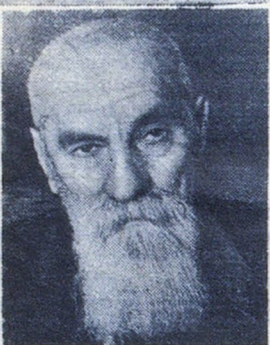
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

А. А. Байков.

И. П. Бардин.

А. Н. Бах.

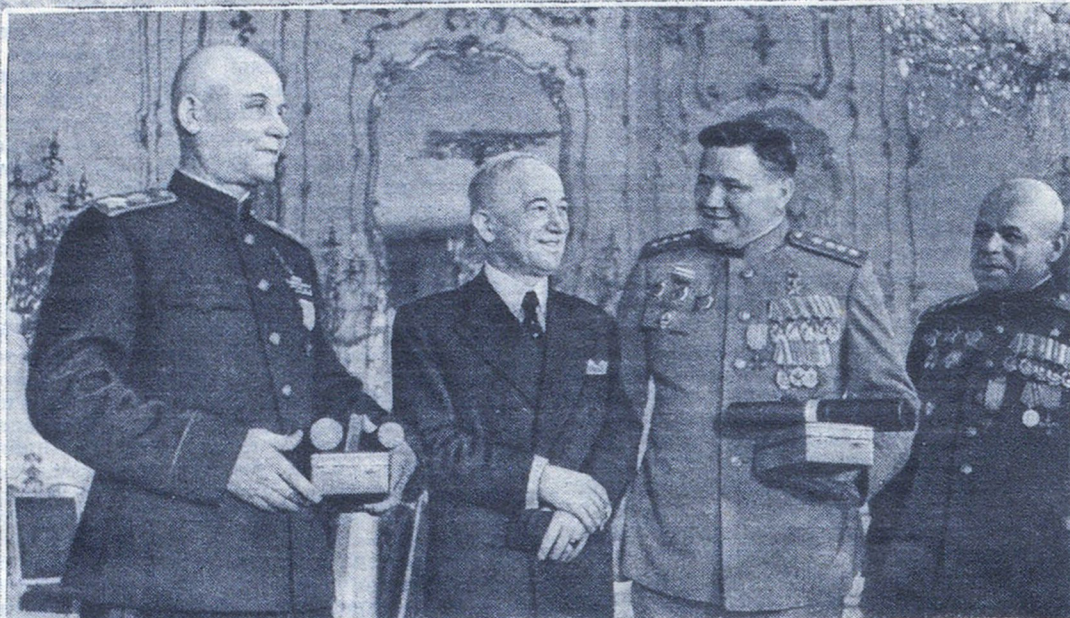

И. М. Виноградов.

Н. Д. Зелинский.

В исторические дни победы страна отмечает знаменательное событие — 220-летие Академии наук СССР. Советское государство отметило высокими наградами славнейших представителей русской науки. Академикам Байкову, Бардину, Баху, Виноградову, Зелинскому, Лысенко, Мещанинову, Мухелишвили, Обручеву, Орбели, Павлову, Прянишникову и Фаворскому присвоено звание Героя Социалистического труда.

Столица Чехословацкой республики Прага чествовала маршалов, генералов и офицеров Красной Армии, отличившихся в боях за освобождение Чехословакии. Маршалы Советского Союза Конеv и Малиновский, маршал бронетанковых войск Рыбалко и генерал армии Ерёменко награждены высшими чехословацкими орденами. На снимке: президент Чехословацкой республики Эдуард Бенеш, маршал Советского Союза И. С. Конеv, генерал армии А. И. Ерёменко и маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко.

Прибывший в Москву настоятель Кентерберийского собора доктор Хьюлетт Джонсон посетил ремесленное училище № 12. На снимке: г-н Джонсон в мастерских училища.

Кавалеры ордена Славы трёх степеней — старший сержант А. П. Табаков (слева) и старший сержант А. И. Панков.

А. Е. Фаворский.

Д. Н. Прянишников.

М. А. Павлов.

Л. А. Орбели.

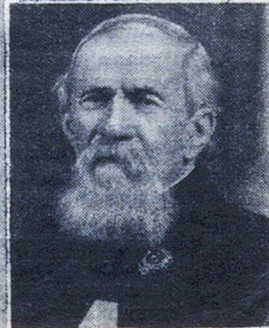
Т. Д. Лысенко.

И. И. Мещанинов.

Н. И. Мухелишвили.

В. А. Обручев.

«ОФСАЙД»

Рассказ защитника Сталинграда

Борис Порфирьев

Рисунок В. Богаткина

Левый инсайд вышел с мячом на ворота. Навстречу ему выбежал бек. Инсайд отдал мяч Костину, и Костин приготовился ударить по голу. Но в это время судья поднёс к губам сирену и свистнул.

Костин ударил, и мяч красиво вошёл в правый верхний угол и оттянул сетку. Это был бы «чистый» гол, но перед ударом свистнул судья.

— Офсайд, — сказал он спокойным голосом, но так, что это поняли все десять тысяч зрителей.

Костин пошёл назад, опустил голову.

Судья снова сказал что-то Костину. Зрители поняли не сразу, но догадались, когда Костин побежал за мячом. Рефери сделал ему выговор за то, что тот бил после свистка.

Перед концом тайма, когда средний хавбек снова выкатил Костину мяч, судья опять свистнул.

Это было снова «положение вне игры». И здесь уже явно после свистка Костин ударил по воротам, и мяч прошёл над планкой, ударившись о борт беговой дорожки, и запутался в георгинах, на овальной клумбе.

Судья его снова послал за мячом. Костин побегал, прижав локти к телу. Все десять тысяч зрителей смотрели, как он медленно доставал мяч из клумбы, как установил его на ленточке и ударил по мячу. У Костина получилась срезка, и мяч покатился вдоль беговой дорожки.

Судья ещё раз сделал ему замечание. Все эти неудачи вывели Костина из себя, и он сильным коротким ударом, который так всегда удавался ему, послал мяч обратно в «аут».

— Уйдёте с поля, — сказал судья тихо и, не глядя на Костина, смотрел на часы. Костин не уходил.

— Не тяните время, — снова сказал судья, глядя на часы.

Костин пошёл медленно, опустив голову, и все трибуны молча следили за ним.

Это было очень плохо «быть вне игры». Парни с бритыми затылками, в широченных трусах продолжали гоняться за мячом, а он должен был стоять и смотреть за ними.

Костин очень злился.

Когда он шёл домой, ему на глаза попала девушка с собакой — таксой. У таксы

были такие огромные уши, что они притягивали её морду к земле. Ему почему-то очень запомнилась эта деталь — огромные уши у таксы — и почему-то разозлила его. Может быть, потому, что он был «вне игры».

Вот сейчас, по какой-то странной ассоциации, он вспомнил всё это: и судью в белых брюках, с металлической сиреной в зубах, и солнце над западной трибуной, и таксу с большими ушами.

Это было год назад — «положение вне игры».

Солнце пекло, и пыль стояла в воздухе, и дым стелился по земле. Время от времени вставали столбы земли, похожие на огромные чёрные фонтаны; они тяжело оседали, и осколки кирпичей падали рядом.

Бомбардировщики заходили в третий раз; они появились оттуда, с юга, и нависали над городом и бомбили его безостановочно. Костину казалось, что их было штук до пятидесяти. Они заходили с адским шумом, разрезая воздух воем сирен, и бомбы отделялись от них. Сначала они были хорошо видны, чёткие и красивые, такие, как их изображают на макетах, потом они сливались с воздухом, превращались в сплошной вой и вдруг рвали землю, и воздух, и всё, что было на свете.

Костин не знал, кто его посадил спиной к стене, может, он и сам так сел — он этого не помнил. Он сидел, глядя вокруг, и потихоньку стонал.

Раньше этот грохот казался невероятным, и думалось, что человек не в силах выдержать его, а сейчас это было частью существования, и под него можно было стонать, как угодно громко, не боясь, что услышат тебя. И он стонал, а вокруг всё грохотало и дрожало земля, и взлетали рядом столбы земли, и кружилась голова.

Он знал, что слабее от потери крови, и глядел, не опуская головы, на висящие вдоль тела руки и окровавленную рубашку. Кровь засохла на рукавах, — они были заскорузлыми. И такой же была гимнастёрка на груди. Голова кружилась. Всё грохотало вокруг. Всё грохотало вокруг от того, что бомбардировщики заходили в третий раз.

Самолёт провёл над ним. И взгляд сам потянулся за самолётом. Но голову было тяжело поворачивать, и Костин громко застонал. Он не знал названия самолёта. Да и не мог

раздумывать над этим. Самолёт был жёлтым, грязножёлтым, таким же, как вся эта пыль, стоящая в воздухе целыми днями. На крыльях были чёрные широкие кресты с белыми полосками посередине.

Он застонал, повернув голову за самолётом, снова вспомнил случай на стадионе, и таксу с большими ушами, и судью в белом костюме. Судья ему сказал: «Офсайд» — «Положение вне игры».

Костин лежал, прислонившись спиной к стене, и стонал, и солнце больно пекло ему голову.

Потом он потерял сознание, и снова пришёл в себя.

Самолёты опять нависли над городом, и опять воздух рвался на части и дрожала земля.

Солнце зашло за разрушенную стену, тень легла на землю, стало легче. Костин повернул голову и взглянул на свой взвод.

Матвеев лежал у стены, прижавшись к ручному пулемёту, и вздрагивал в такт выстрелам. Выцветшая и пропылённая гимнастёрка на его спине взмокла от пота и прилипла к лопаткам. Матвеев стрелял, двигая ствол пулемёта, и Иванов подавал ему заряженные диски. Голова у Иванова была забинтована, и кровь засохла и на повязке и на шее. Лицо у него было серым и осунувшимся, и он то и дело опускал голову, и потом рывком поднимал её, и его ловкие пальцы доставали латунные патроны из цинков и набивали диски.

Что-то большое и радостное подступило к сердцу, когда Костин увидел, как Матвеев и Иванов продолжают сражаться, — он улыбнулся и перестал чувствовать боль.

Он повернулся и попытался поднять руки. В плечах они не поднимались, и он, стиснув зубы, встал на коленки и постоял так с минуту. Голова кружилась, и всё качалось перед глазами. Костин знал, что это качается земля от взрывов.

Слева от него лежал Кравков, уткнувшись головой в кирпичи. Он умер ещё утром. Винтовка лежала возле него с раздроблённым прикладом.

Костин подполз к нему на коленях, обдирая их об осколки кирпичей, и потянулся за флягой. Он отвинтил пробку и поднёс флягу к губам. Вода была тёплая и грязная. Не отрываясь, он пил, запрокинув голову, а ос-

татки вылила на волосы, сняв каску, и вода стекала с них, пробегая капелками по щекам, и приятно лилась за воротник.

Костин бросил флягу, она ударилась о камни и покатила вниз, перевёртываясь, и скрылась под обломками стены. Матвеевко и Иванов всё стреляли из пулемёта, и Костин пополз к ним.

Они обернулись на мгновение, взглянув на него, и снова занялись своим делом, не сказав ни удивления, ни радости. В пробитую в стене Костин увидел ту же картину, которую наблюдал ежедневно. И почувствовал немцев, которые скрывались за разбитой стеной дома на противоположной стороне улицы, и увидел, что они бьют из пулемёта, и пламя вырывается из него, и пули взвизгивают здесь над ними.

У другой амбразуры стояло противотанковое ружьё. Семенчук был мёртв, и ружьё молчало, а Семенчук вцепился в него мёртвыми руками. Косовского вовсе не было.

Костин встал и, скрываясь за стеной, пошёл к противотанковому ружью, покачиваясь и останавливаясь после каждого шага. Он опустился около ружья и хотел отстранить тело Семенчука, но оно было тяжёлым, и он не мог этого сделать своими ранеными руками. Тогда он отстранил его коленками, и Семенчук тяжело перевернулся на спину и раскинул руки. Дальше Костин не стал его оттащить и взял его винтовку. Патроны в цинке стояли у амбразуры, и он дозарядил винтовку.

Семенчук лежал рядом, широко раскинув руки и смотрел в небо. Костин давно знал Семенчука и любил его. Они вместе приехали из Сибири, и здесь месяц назад Костин хлопотал, чтобы Семенчуку дали второй трудовой книжечки. До войны Семенчук был колхозником, и Костин вспомнил, как к нему приезжала из деревни жена с сыном и как он отпускал Семенчука. Сейчас Семенчук лежал, раскинув руки, и смотрел в высоту.

— Гады, что наделали, — сказал Костин, думая о Семенчуке, и о Косовском, и о себе, и о всех тех, кого они потеряли за этот месяц.

— Гады, — повторил он вслух и взглянул в амбразуру.

Немцы всё били из пулемёта по амбразуре Матвеевко, и отсюда был виден немецкий пулемётчик, и Костин обрадовался этому, и от волнения у него задрожали руки. Не отрывая от него глаз, он потянулся к винтовке, забыв о боли. Снова пришлось сжать зубы, но он приложил винтовку к плечу и, удерживая внутреннюю дрожь, подвёл мушкету под немца.

Костину были видны его зелёная каска, плечо и правая рука. Но и этого было достаточно, и только было плохо то, что дрожали руки. Они дрожали от волнения, а не от боли, и он старался заставить себя не дрожать и ещё крепче стиснул зубы.

Немец стрелял, и плечо его так же вздрагивало, как вздрагивало у стрелявшего по нему Матвеевко, и Костин подвёл мушкету под это плечо, как раз между линией камней и каской, и нажал спусковой крючок.

Он видел, как немец опрокинулся, и обрадовался этому и закричал от радости. Он убил не первого врага за войну, и его не раз пытались убить, — это не было для него новым, и самое ощущение уничтожения и смерти давно притупилось, — но сейчас он радовался, что вернулся к жизни, и больше ему ничего не было нужно. А жизнью для него сейчас было уничтожение врага, и ничто другое сейчас не могло заменить этого.

Голова перестала кружиться, и под каской было прохладно от вылитой на голову воды, и всё вокруг сделалось реальным, не таким, каким было все эти дни, — резко очерченным и контрастным, — и кирпичные стены, красные с белым, с облупившейся штукатуркой, и расщеплённый ствол тополя в конце квартала, и жёлтая пыль над городом.

Он не слышал в сплошном грохоте стука пулемёта, но почувствовал, как запели над ним пули. Он пригнулся и стёр пот с лица; стирая его, он коснулся рукой глаза, и пот попал в глаз, и ему пришлось протирать его.

На боль он не обращал внимания и радовался, что его взвод держит дом. Его взвод всё время держал дом, это тянулось долго, и

трудно было в таком аду держать дом, но они смогли держаться. Это они держали этот дом: он, младший лейтенант Костин, ефрейтор Семенчук, младший сержант Матвеевко и все другие, кто был в его взводе. Они крепко держали этот дом, и вот сегодня: Семенчук лежит рядом с ним, Горкин погиб утром по дороге в штаб батальона, Егорова разорвало бомбой, другие погибли: кто от пули, кто от бомбы, кто от осколка, — но погибли. Он видел сейчас только Матвеевко и Иванова.

Три человека сейчас составляли взвод. Солнце стало закатываться, и тени вытянулись, и грохот стал меньше.

Когда к нему подполз связной командира роты, Костин сидел и перебинтовывал себя.

— Передай Тквалидзе, что от взвода осталось трое. Трое, понял? Так и скажи: трое, — Костин поднял на связного глаза. — Ну, как там, в роте?

— Быков держится. Отбил семь атак. Три атаки были с танками. У Ланкевича всё спокойно, — ответил ему связной.

Костину стало завидно за Ланкевича, захотелось попасть на его место и отдохнуть от всего этого в его доте. Но он ничего не сказал об этом связному, а только попросил завязать бинт. Связной пришёл не один. Они пришли втроем: связной, старшина с термосом и Таня — ротный санинструктор.

Костин обрадовался этому и, тяжело поднавившись, подошёл к Матвеевко. За весь день они не перемолвились ни словом и сейчас только переглянулись, поняв друг друга со взгляда.

— Давай, командир, поедим, — сказал Матвеевко.

И Костин понял, что в этих словах содержится всё, что ему хотел сказать Матвеевко: и то, что погибли их товарищи, и то, что они вот остались живы, и что отбили все атаки, и что завтра опять начнётся этот ад.

Таня перебинтовывала голову Иванову, и тот сидел, зажмурив глаза и сжав губы.

Старшина и связной перебивали за день во всех взводах и рассказывали сейчас об обстановке. Для Быкова термос с обедом оказался велик, как был сейчас велик и для взвода Костина.

Взвод Быкова отбил три танковых атаки и потерял почти весь личный состав. Командир роты приказал Костину и Быкову держаться последние сутки, а завтра вечером обещал заменить их. А сейчас оставался у Костина связной и старшину. Костин знал, что очень трудно держать впятром этот дом в таких условиях. Но он знал также, что приказ надо выполнять, и ничего не сказал, а стал есть из котелка вместе с Матвеевко.

Совсем стемнело, и последняя трудная ночь легла на них, проглотив дневной грохот. Тишина была осязаемой после такого дня, и отдельные выстрелы казались трескотней.

Ракеты металась в вышине, прыгали лучи, и плали разноцветные трассы. Костин сидел, вновь прислонившись к стене, закутавшись в шинель, и смотрел в прохладную ночь. В обычную сталинградскую ночь. И думал, что вокруг лежит огромная страна, которая приказала им отстоять Сталинград, которая сказала им: «Ни шагу назад!» И вот они выполнили сегодня её приказ, не отступив ни на шаг. И завтра они не отступят ни на шаг. И так всегда. А если же погибнут, на их место встанут новые семенчуки и костины, и всё равно стоят Сталинград. Он сидел и думал о том, что немцы затеяли бесполезное дело. Наедине думалось проще, чем в разговоре во взводе, — и он думал сейчас именно о том, что немцы затеяли бесполезное дело.

Он заснул, прижавшись к стене.

Утро началось грохотом и воем, и снова вздох рвался на части.

И всё началось снова. Самолёты с сиренами бросали бомбы. И бомбы тоже были с сиренами. И они визжали и рвали воздух и землю.

В полдень был убит связной, и его место заняла Таня, взяв его автомат. Она не ушла ночью отсюда, а сейчас, при свете, нельзя было идти. В конце квартала появились танки.

Улица была узкой, и это было хорошо. Надо было подбить хоть один танк, и он бы загородил дорогу остальным.

Костин знал это и, лёжа у противотанкового ружья, дрожал от волнения. И вновь он заставил себя остановить эту дрожь.

Танки шли один за другим, лязгая гусеницами по камням мостовой, и головной танк стрелял из пушки.

Вдавлив приклад в плечо, Костин прицелился в башню, но рядом разорвался снаряд, и осколок вышиб «ПТР» и попал ему в левую руку. Он поднял руку, и кисть повисла, держась на коже и сухожилиях, и из неё торчала белая кость. Он подхватил кисть правой рукой и видел, как в этот момент вскочил Матвеевко и взмахнул бутылкой. Бутылка пролетела по дуге, перевёртываясь через горлышко, и ударилась в башню танка. Костин видел, как она разбилась, и представил себе этот весёлый звон. И видел, как пламя охватило башню — синее пламя — и поползло книзу.

Так же он видел, как упал Матвеевко. Упал с груди камней туда, на улицу, головой вниз. Костин лежал на боку, прижимая кисть правой руки к груди, и глядел широко открытыми глазами вперёд себя. Вновь всё ходило вокруг, и ему казалось, что его кто-то укачивает.

Потом он открыл глаза и увидел, как у пулемёта лежала Таня и неистово водила его стволом. Лицо её было бледно, глаза заплаканы и дрожала нижняя челюсть. Она прижалась к земле, вошла в неё, и её гимнастёрка была на спине такой же мокрой, как вчера у Матвеевко.

Старшина лежал у стены в той же позе, как и Кравков, у которого вчера Костин взял фляжку.

Снова всё закружилось, но Костин открыл глаза и смотрел на Таню. Она продолжала стрелять, и жёлтые патроны вылетали снизу один за другим и падали в грудь, ударяясь и отскакивая, и скатывались по кирпичам.

Всё ходило вокруг — земля и небо, — всё вспыхивало и грохотало, а Костин смотрел, как девушка лежала у пулемёта и неистово стреляла по врагам.

Пекло солнце. Солнце стояло над западной трибуной, и судья ему сказал тогда «офсайд». «Положение вне игры», — сказал ему тогда судья. И Костин лежал и смотрел, и смотрел, не отрываясь, на стрелявшую девушку.

Она всё продолжала стрелять, поливая пулемёт из фляги, вставляя новые диски, ругаясь и плача, размазывая грязь и слёзы по лицу.

Он видел в амбразуре, что головной танк всё ещё кружится на одном месте, но другой обходил его справа, и Костин увидел, что он ошибся в расчётах.

Костин знал, что он не имеет права быть вне игры. Пусть ему судья сказал «офсайд», но Костин не имеет на это права. Он не может быть вне игры. И он поднялся, не чувствуя веса тела, не чувствуя висящей кисти, и подошёл к амбразуре, и взял с каменной бутылку.

Танк, опрокинув при повороте телеграфный столб, выходил сюда, и Костин швырнул бутылку, и она, также перевёртываясь через горлышко, пролетела и брызнула осколками и огнём.

И танк тоже сделал попытку завертеться, но сразу же уперся в стену и в головной танк и застрял, а пламя — синенькое, весёлое пламя — забегало по нему, и он грохнул, опередив своего собрата, и чёрный дым пошёл из него клубами.

Костин выполнил свой долг, — он не остался вне игры; и это было его последней мыслью.

Он не видел, как из-за угла вырвались наши танки с вросшими в их броню автоматиками, не видел, как через двор пробежал взвод Ланкевича, ведомый самим Тквалидзе, не видел, как с земли сорвалась девушка и влилась в этот единый порыв. Она бежала рядом с бойцами, с широко открытым ртом, крича что-то яростное и стреляла на ходу из автомата, висящего через плечо.

А кругом стояли сплошной грохот и вой, и в грохоте этом был и её голос, призывающий к месту за смерть всех тех, кто не мог уже бежать рядом с ней.

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Н. Власова

Фото Б. Пейзлина

*Точность,
вежливость,
аккуратность.*

Это — совершенно обычное явление, что новое лучше привычного. Метро появилось в Москве позже трамвая и автобуса и много лет поэтому было лучшим. Проехать на метро было быстрее. В вагонах чище, просторней, комфортабельней. Обслуживающий персонал шеголяет молодежавшей выправкой и безукоризненным покроем форменной одежды.

Но случилось так, что из-за войны автобус выбыл навремя из соревнования на лучшую и быстрейшую работу в системе различных видов городского транспорта. Теперь автобус появился снова. И, придерживаясь отличного правила — быть лучше всего, что было до него, — начал свою работу не так, как закончил её четыре года из-за.

У автобуса есть свои горячие сторонники, так сказать, патриоты автобусного дела.

— Проехать автобусом гораздо быстрее, особенно на небольшое расстояние, — говорит один из них, начальник колонны второго автопарка Василий Иванович Лоев. — Остановка рядом с тротуаром. Машина идёт через каждые две минуты.

Товарищ Лоев вправе гордиться первым опытом работы автобуса. Вместе со своей бригадой он принял вернувшиеся из далёкой эвакуации и побывавшие на войне машины. Отремонтировал их, восстановил и пустил на первую из открывшихся линий Белорусский вокзал — площадь Свердлова.

Директор парка, начальник колонны, водитель — все они обеспечивают чёткую и бесперебойную работу автобуса, быстроту и равномерность движения. Но пассажиры автобуса вряд ли даже вспоминают о их существовании, когда работа идёт спокойно и нормально.

Единственный работник, непосредственно и постоянно связанный с пассажирами, — это кондуктор. Можно сравнивать быстроту, чёткость, удобство, чистоту и комфорт автобуса и метро. Начальники станций, диспетчеры, водители машин и поездов метро могут вступить друг с другом в соревнование. Но ни один из работников метро не выполняет работы, подобной работе кондуктора автобуса. Контролёр метро только проверяет билеты, а продаёт их кассир, отделённый от пассажиров окошечком.

В автобусе все эти операции выполняет кондуктор. Окружённый плотным кольцом пассажиров, весь день на ногах в непрерывно движущемся автобусе, кондуктор работает в очень тяжёлых условиях.

Эти условия, конечно, ни в малой мере не снимают с него обязанности быть хорошо, опрятно одетым и вежливым.

Работники московского автобуса решили вконец пресечь традицию «вольных дискуссий» между кондуктором и пассажирами. Новая инструкция просто-напросто предусматривает, что кондуктор не вправе вступать в прения с пассажиром. Он должен отвечать чётко, вежливо и только на вопросы, касающиеся выдачи билетов, остановок, маршрута. Во всех же других случаях, даже если пассажиру очень хочется «поговорить», кондуктор должен ответить ему вежливым молчанием.

Анна Петровна Голикова работает кондуктором на московском автобусе с 1939 года. За вежливое и культурное обслуживание пассажиров она награждена почётной грамотой и медалью «За трудовое отличие». Мария Семёновна Буровцева работает кондуктором двенадцать лет. Александра Дмитриевна Савенкова — дежурная по станции Белорусский вокзал — тоже двенадцать лет. Она следит за посадкой. Помогает пассажирам с детьми и вещами.

За прошедшие четыре года войны москвичи соскучились по нарядным, голубым вагонам автобуса. Опоздания и перегрузки, неточность и невежливость — старые грехи прошлых лет — забыты и прощены. Радостно видеть, как и многое другое, чего мы раньше не замечали, солидные, вместительные, спокойно бегущие по асфальтовым магистралям автобусы.

Самое важное — не вспоминать и не повторять старых ошибок и неполадок. Всемерно укреплять и продолжать хорошие новые традиции и начинания!

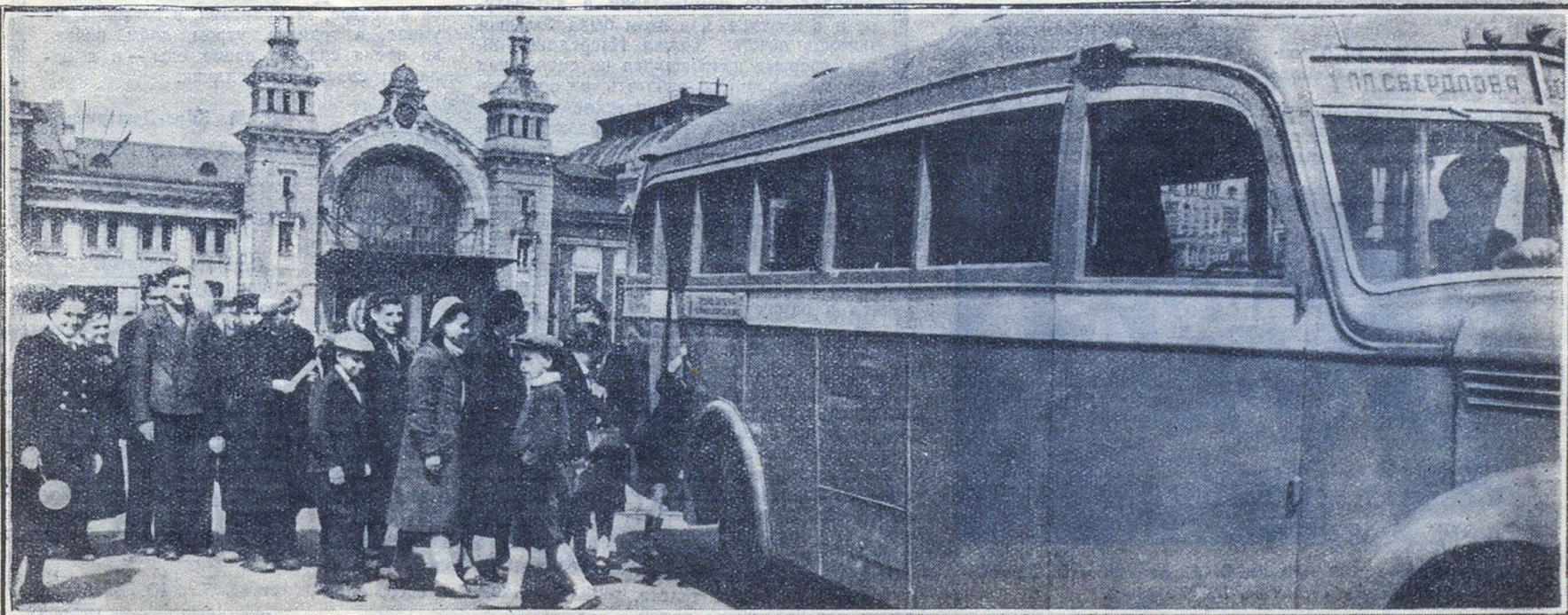

Кондуктор М. Буровцева следит за посадкой пассажиров: помогает детям, старикам и пассажирам с багажом.

↑ Мария Буровцева.

↓ Анна Голикова.

На конечной остановке автобуса линии № 1 у Белорусского вокзала.

Московский скульптор З. М. Виленьский работает над бюстом выдающегося авиаконструктора Героя социалистического труда С. А. Лавочкина.

Фото Ал. Лесс

ВЕРА В ЖИЗНЬ, ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

Главное, что мною руководило при постановке «Чайки», — это стремление предельно проникнуть в чеховский текст, понять и до-

Артисты А. Касенкина и М. Астангов — Нина Заречная и Треплев.

нести до зрителя то основное, чем нам сегодня близок и дорог Чехов.

В письме к Суворину Чехов говорит: «Писатели, которых мы называем вечными

или просто хорошими, имеют один общий, весьма важный признак. Они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не утом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель. Лучшие из них реальны и пишут жизнь такой, какая она есть. Но от того, что каждая строчка пронизана, как сок, сознанием цели, вы, кроме жизни, которая есть, чувствуете ещё ту жизнь, которая должна быть, и это пленяет вас».

Это определение писателя как нельзя больше подходит к самому Чехову. У Чехова всегда, о чём бы он ни писал, главная его тема — ценность человеческой жизни, человеческого творчества, утверждение веры в жизнь, веры в человека. Эту же мысль развивает он в «Чайке».

«Чайка» — это пьеса о самом главном, о вечном, о смысле жизни. Она рождает в человеке стремление к прекрасному, призывает его стремиться стать выше, лучше, идти неуклонно к светлой цели. Можно пережить любые невзгоды, неудачи, лишения, если в душе сильна вера в свои силы, в

Лауреаты Сталинской премии В. Марецкая и В. Ванин — Маша и учитель Медведенко.

Фото Б. Фабисовича

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Работая над пьесой «Весёлый грешник» Л. Соловьёва и В. Витковича, Московский театр сатиры хотел познакомить зрителя с одной из восточных легенд, относящейся примерно к XV веку, о народном мудреце Ходже Насреддине. Бессмертный образ весёлого «печальника о тех, в чьи двери постучалось горе, неутомимом бунтаре против жестокости и тупости эмира и его приближённых» привлёк внимание нашего коллектива как классический образ народного героя.

Над ролью Ходжи Насреддина я работал больше года. За все мои сорок лет радостной и горестной работы в театре эта роль, — пожалуй, самая трудная и противоречивая по своему философскому толкованию сюжетной линии всей пьесы и, в частности, поведения Ходжи Насреддина и по физическому движению на сцене. Роль Ходжи выявилась в процессе работы с бесконечными добавлениями, сокращениями, изменениями. Только после долгих поисков, изучения материалов мы пришли к выводу показать зрителю Ходжу Насреддина серьёзным, романтичным и весёлым.

Все предыдущие роли, которые меня волновали во время работы, имели свой

Ходжа Насреддин — заслуженный артист РСФСР Д. Кара-Дмитриев, Гюльджан — артистка Е. Кара-Дмитриева.

определённые комментарии в литературе и в критике, и в этом была большая помощь актёру. Ходжа Насреддин — образ, впервые появившийся на сцене; над ним мне пришлось работать, не опираясь на литературные, критические источники. Эта роль, в которую я вложил весь комплекс накопленного мною сцениче-

«Весёлый грешник». Сцена у ворот дворца.

Фото С. Шипгарёва

ского опыта, пленила меня своей многогранностью. Тут и шутка, радующая слушателей, тут и сильный гнев против властолюбивого деспота эмира Бухарского, тут и большая любовь к народу, чувство товарищества, борьба за справедливость, романтика.

В этой роли представлял интерес для меня особый приём сценической трансформации. Ходжа Насреддин появляется на сцене в самых неожиданных перевоплощениях. То это рыночный торговец, то придворный мудрец, то женщина в парандже. Нужно было этого добиваться, не прибегая к гриму и бутафорским аксессуарам, исключительно мимической игрой лица. Причём это нужно было делать так убедительно, чтобы шпион, знавший Насреддина, мучительно сомневался, увидев его в платье Гусейна Гуслия: «Он или не он?» Для этого нужно прежде всего артисту самому поверить в то, что он делает, чем живёт. В этом и заключается секрет воздействия на зрителя.

Мучительно долго вживался я в образ Ходжи Насреддина. Я повторял свою роль всегда и везде, отделивая отдельные фразы, мысли, напевая песенки в театре, за кулисами, в гостиной, на улице, в трамвае, утром, днём, ночью, во время сна, во время еды — и я полюбил своего Насреддина.

Д. М. Кара-Дмитриев,
заслуженный артист РСФСР

победу своего дела. Эта основная тема заложена не только в одном каком-либо образе, но является лейтмотивом всей пьесы. Отсюда необходимо единство ансамбля, но единство не за счёт подчинения жёсткому внешнему рисунку, нивелировке индивидуальности, а единство замысла, единство понимания основных задач, тем спектакля, и тогда каждое слабое получает предельное развитие.

Чеховские роли не определяются количеством текста, здесь нет главных ролей,

нет и «проходных»: каждый образ несёт свой мир, свою тему. Поэтому в нашем спектакле на первый взгляд «второстепенные» роли играют ведущие артисты театра, лауреаты Сталинской премии — народная артистка республики Марецкая (Маша) и заслуженный артист республики Ванин (Медведенко). Их участие не только определяет качество данных ролей, но и общую значимость всего спектакля.

Сделать понятным сегодняшнему молодому зрителю чувства, мысли, чаяния чеховских героев, их мечты и надежды на счастье, заставить зрителя задуматься и после спектакля над проблемами, поставленными Чеховым в этой пьесе, и в свете этих проблем переосмыслить своё, личное, — вот задача, которую я себе ставил в этом спектакле и о разрешении которой может судить зритель.

Ю. Завадский,
народный артист РСФСР

У ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

Небольшой, скромный дом на Тверском бульваре хорошо известен москвичам: здесь жила великая русская актриса Мария Николаевна Ермолова. Теперь эта квартира отдана в пожизненное пользование дочери Ермоловой, Маргарите Николаевне Зелендой, и её старому другу, заслуженному деятелю искусств — писательнице Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник.

В раскрытые окна врывается прохот московских улиц; запах клейких листочков, молодой зелени доносятся с бульвара и смешиваются с благоуханием цве-

тос, заполняющих все уголки большой комнаты, где жила и умерла Ермолова, где теперь живёт и работает Щепкина-Куперник.

Нарциссы и ландыши мирно уживаются рядом с портативной пишущей машинкой на старомодном, маленьком, тёмном «дамском» письменном столике.

Маленькая, седая, очень подвижная женщина встаёт на встречу посетителю; Татьяна Львовна так располагает к себе, что вам сразу становится хорошо и уютно. Как бы принимая молчаливое участие в разговоре, смотрят портреты, мраморные и бронзовые бюсты носителей культуры прошлого — писателей Сервантеса, Шекспира, Данте — и прадеда хозяйки — русского актёра Михайлы Щепкина.

Здесь не только любят и ценят, но и возрождают культуру прошлого. Под быстрой пальцами Татьяны Львовны, под стрекотанье пишущей машинки оживают на русском языке слова, бессмертные образы Шекспира и Кальдерона, Гольдони и Гоцци, Мольера и Ростана, Адама Мицкевича.

Человек многообразной и тонкой культуры, Щепкина-Куперник с одинаковой лёгкостью и мастерством переводит с основных европейских языков (она их знает

восемь) замечательные произведения карифеев мировой литературы.

Среди книжных шкафов (а книги уже не уместятся на полках, они разлозались по столам, сундукам) выделяются два шкафа. В одном — изданные оригинальные произведения писательницы; двадцать книжек прозы, пять книг стихов, четыре пьесы и ещё нигде не напечатанные рукописи, мемуары. В другом шкафу переводы Щепкиной-Куперник: стихи, рассказы, свыше сорока пьес классиков мировой драматургии.

Русский читатель и зритель знает и любит «Сирано де Бержерака», «Орлёнка» Ростана по переводам Щепкиной-Куперник; она же познакомила нас со многими пьесами блистательных испанцев — Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерона. Московский театр, носящий славное имя Ермоловой, выпускает надвигаясь новый спектакль впервые на русской сцене в переводе Татьяны Львовны пойдёт комедия «Укрощённый укротитель» Флетчера, современника и соавтора Шекспира.

Работа для Щепкиной-Куперник — повседневный благородный подвиг. В этом интерес её жизни. Неиссякаема и вдохновлена её любовь к творческому труду, к созданию новых произведений. Она стремится познакомить миллионы людей, не знающих других языков, кроме родного, с великолепным, неуязвимым наследием прошлых лет, с сокровищами культуры других народов.

И в дни Великой отечественной войны с энергией, со страстностью работала эта маленькая, болезненная, преклонных лет женщина. За один месяц она с увлечением перевела пятиактную драму Виктора Гюго «Рюи Блаз».

В дни войны она писала для зарубежных стран

Литература и Искусство

статьи о советской культуре и театре, сочиняла и переводила стихи. Во время воздушных тревог, бомбёжек продолжала работу над вторым томом воспоминаний — о встречах с Кони, Мичуриной, Самойловой, Юрьевым и другими. Да, Татьяна Львовна есть что и кого вспомнить. Она не утешает своих воспоминаний, она охотно делится ими с окружающими. Вот пришли к ней в гости ученики старших классов, пионеры. Им увлекательно рассказывает она о своих встречах с Чеховым, Ермоловой, Москвинным.

Часто посещение друзей вызывает новый прилив творческой энергии у Татьяны Львовны. Только что ушёл народный артист СССР А. А. Остужев. Он так увлекательно говорил о своих юных годах, приводил такие интересные штрихи своей биографии, что писательница не в силах выдержать. Надо скорее, на свежую па-

мать записать эти интересные подробности, записать то, что может быть полезным для потомства. Уже второй час ночи, но всё ещё стрекочет машинка.

Насыщен творческой работой день писательницы: эскизы из театров, из редакций, из Радиокомитета. Далеко по эфиру разносятся тёплые очерки Щепкиной-Куперник о замечательных русских артистках — Неждановой, Обуховой, — поэтические пояснения к «Шехеразаде» Римского-Корсакова, к «Севильскому цирюльнику».

Почта приносит письма со всех концов страны. А во время войны у Татьяны

Львовны завязалась дружеская переписка и со многими фронтовиками. Так, два года назад русский офицер-танкист, увлекающийся литературой, обратился к Щепкиной-Куперник с просьбой прислать его любимую книгу — её перевод «Сирано де Бержерака» Ростана. Писательница послала. Вот снова пришло письмо от этого офицера — из освобождённой Праги.

И когда вы в театре слышите на русском языке вдохновенные поэтические монологи шекспировских героев, легко и свободно льются стихи, искренние шутки, помните: их перевела Т. Л. Щепкина-Куперник.

Т. Кулаковская

Т. Л. Щепкина-Куперник.

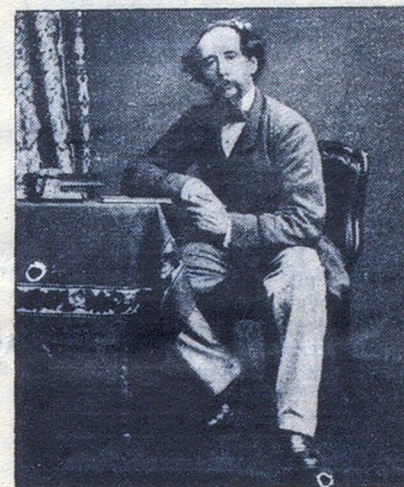
ЧАРЛЗ ДИККЕНС

К 75-летию со дня смерти

Чарлз Диккенс — один из самых любимых писателей советской молодёжи и не только одной молодёжи. Его герои — и Пиквик со своими ближайшими друзьями, и Оливер Твист, и Николай Никльби, и Давид Копперфильд, и Крошка Доррит — глубоко вошли в память тех, кто хотя бы раз брался за книги английского классика.

Нам дороги и его смех, и его слёзы, и его гнев, правда, не доходящий до протеста.

В России Диккенс известен уже более ста лет, и с тех пор он занял почётное место на книжных полках в библиотеках и у всех тех, кто любит книгу.

НОВЫЕ КНИГИ

Максим Рыльский «Путешествие в молодость» («Советский писатель»).

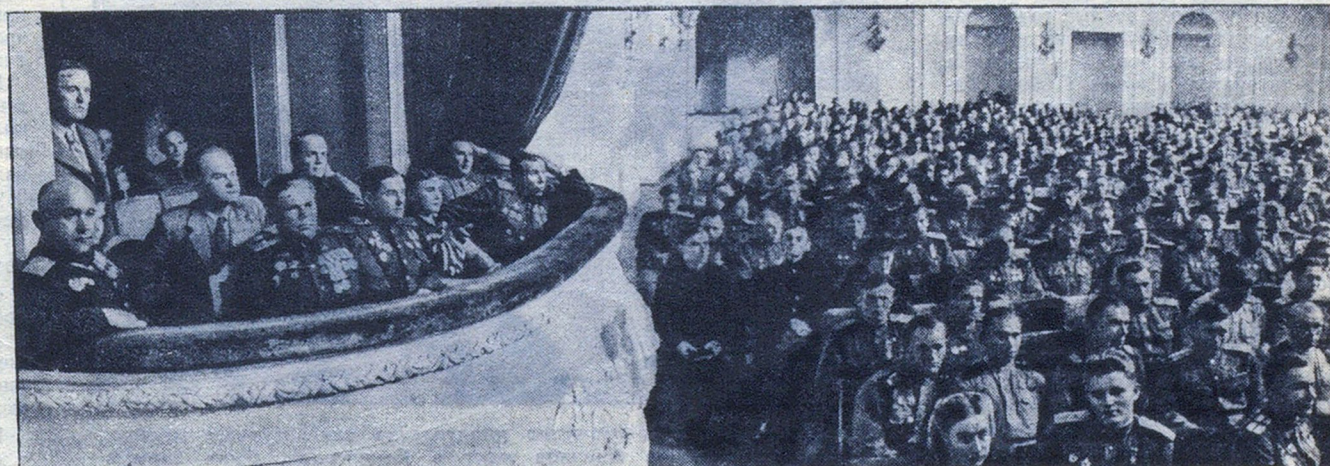
«Путешествие в молодость» — автобиографическая поэма, написанная классическими октавами. Повесть о творческих моментах и

лирические отступления рисуют бытовую обстановку и образы спутников молодости поэта, а также и самого поэта, «несущего свой честный дар к святым столам народа». Поэма написана в годы Великой отечественной

войны. Перевод сделан Н. Ушаковым.

Н. Бирюков «Чайка» («Молодая гвардия»).

Роман молодого писателя Н. Бирюкова «Чайка» изображает подвиги и героическую смерть прославленной комсомолки-партизанки Лизы Чайкиной.

Артисты Москвы — ПОБЕДИТЕЛЯМ. Воины 3-го Украинского фронта, прибывшие в Москву для участия в торжествах, слушают концерт в Большом зале Московской консерватории.

Фото А. Ворогинского

Человек многообразной и тонкой культуры, Щепкина-Куперник с одинаковой лёгкостью и мастерством переводит с основных европейских языков (она их знает

ВETERАН РУССКОЙ ПЕСНИ

Е. Канн

В погожий мартовский день 1790 года к Петровскому театру, на правом берегу реки Неглинки, чуть пониже моста Кузнецкой Слободы, съезжались кареты, двухместные экипажи, семейные возки и неуклюжие провинциальные дормезы. Сегодня в Оперном доме, воздвигнутом в Москве предприимчивым питомцем Оксфордского университета и театралом Меддоксом, неплохой сбор. Заманчивая афишка, видимо, сделала своё дело:

«...Славного сочинителя музыки господина Сартия ученик и любимец, молодой Россиянин Данило Кашин, будет играть своего сочинения концерт на фортепиано и играна будет Увертюра его сочинения...»

Так отметили русские музыкальные летописи первый самостоятельный дебют талантливого русского самородка Даниила Никитича Кашина. Блистательный концертант — фортепианист и дирижёр, певец и композитор, автор первых отечественных симфоний, опер и романсов, — Кашин принадлежит к славной плеяде пионеров русской музыкальной культуры.

Но больше всего связано его имя с первыми сборами народных русских песен. Кашин отлично понимал, какие несметные богатства таятся в недрах народного искусства, и с неостывающим терпением скапливал эти богатства в течение всей жизни, чтобы затем в числе первых печатных сборников передать их потомству. В истории нашей музыки Кашину присвоено почётное прозвище «ветерана русской песни». Его песни «Во селе, селе Покровском», «Чернобровой, черноглазой» в исполнении знаменитой Елизаветы Сандуновой надолго запомнили современники. Кашинскую «Лучинушку берёзовую» охотно пели первые звёзды европейских столиц во главе с прославленной Анджеликой Каталани...

Крепостной крестьянин Даниил Кашин обратил на себя внимание, когда он, ещё будучи юношей, в качестве дирижёра выступил в присутствии князя Потёмкина-Таврического в пышной оратории Джузеппе Сарты, сопровождаемой роговыми оркестрами, колокольным звоном и пушечной канонадой.

Этот даровитый юноша был не только отменным музыкантом: он свободно изъяснялся на европейских языках, был привержен к поэзии и мог на память в подлинниках воспроизводить сонеты Ариосто и Торквато Тассо. Но только в зрелые годы благодаря настойчивому вмешательству четы русских актёров Сандуновых и друга-литератора Сергея Глинки Кашин получил, наконец, волю.

— Я свободен! — запыхавшись, вскричал он, когда прибежал к ожидавшим его в нетерпении друзьям: — Я свободен!..

Шампанское запенилось в бокалах. «С каким выражением играл и пел он свои русские песни в этот день, — вспоминал Сергей Глинка, — то был первый день его свободы!»

А вскоре снова съезжались кареты, дормезы и возки к подъезду Петровского театра. И несмотря на октябрьскую непогоду особенно многолюдно было в тот день в Оперном доме господина Меддокса. Забитая дождём афишка возвещала от имени актрисы Елизаветы Сандуновой:

«...21 октября 1801 года будет дан концерт с большим оркестровым хором и роговою музыкою, составленною

из всей новой оперы: «Наталья, Боярская дочь», по повести г. Карамзина, в коей музыка хоров, дуэтов и арий сочинения г. Кашина, речи же г. Глинки...»

Елизавета Семёновна Сандунова, или просто Лизанька, как величали прославленную певицу почитатели её таланта, могла не сомневаться в успехе. Она пленяла сердца не только красотой и необыкновенным голосом. За Елизаветой Сандуновой укрепилась слава непревзойдённой актрисы, которая «и в русской и итальянской опере игре своей никогда не имела покору».

Не могло быть сомнения в том, что в стечественной опере замечательная русская певица оправдает возложенные на неё надежды. Даже самые строгие критики должны были признать, что всё было до чрезвычайно-

сти хорошо в этом концерте. Но лучше всего, по общему мнению, была музыка, бывшего крепостного-самородка, с такой душевностью и непритворным чувством исполненная Елизаветой Сандуновой.

А потом, как всегда, публика потребовала вне программы русских песен. И Сандунова с готовностью спела две новых песни Кашина: «Я нигде дружка не вижу» и «Рукавичку»...

...Надвинулась гроза 1812 года. Вторжение наполеоновских войск в Москву застало врасплох Даниила Никитича Кашина с его многодетным семейством. Сам в ту пору больной да с захворавшими детьми, он не успел покинуть Москву. Только недавно вырвавшийся на свободу человек теперь попал в новую неволю, и этот плен переживался русским музыкантом особенно тягостно.

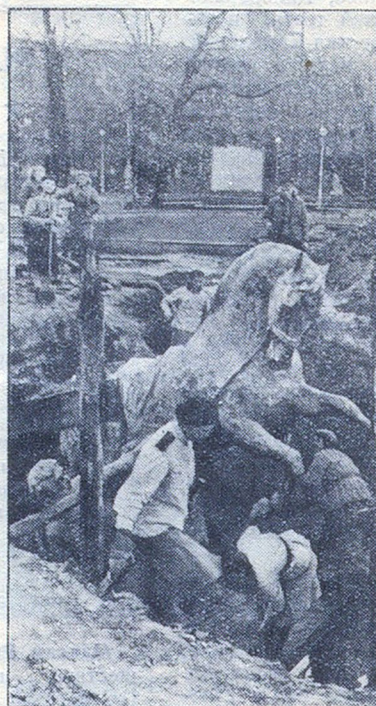
НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Борис Тимофеев

Вновь, в стремительном разгоне
Взяв гранита высоту,
Встали клодтовские кони
На Аничковом мосту...

И от солнца золотые,
Будто став ещё сильнее,
Снова юноши литые
Укрощают бег коней...

И шумит весёлый Невский,
И сказать прохожий рад:
— Здравствуй, вставший
в прежнем блеске,
Победитель Ленинград!..

Летом 1941 года знаменитые клодтовские скульптурные группы коней, украшавшие Аничков мост в Ленинграде, были зарыты в глубокие котлованы. Недавно скульптуры извлечены из земли и установлены на прежнем месте. На снимках: сверху — скульптуры коней выкапывают из котлована; внизу — кони установлены на Аничковом мосту.

Фото Д. Трахтенберга

СОБРАНИЕ РУССКИХ ПРОСТЫХ ПЕСЕН

СЪ ПОТАМИ

Часть первая

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ 1776 ГОДА

Однажды карауливший его офицер предложил сыграть для их развлечения вальс. Кашин ответил словами любимого поэта Тассо:

«Теперь душой моей владеет скорбь одна!»

— Но мы дадим вам много денег!
— Не возьму! — со спокойным достоинством возразил Кашин. — В беде отечества не хочу никаких сокровищ и не стану выражать веселья в дни печали его!..

Зато с каким восторгом откликнулся Даниил Никитич Кашин на радостные вести о победе! С каким торжеством прославил он отечественных героев в своих патристических песнях! Надолго остался в памяти современников тот день, когда впервые на сцене петербургского театра прозвучал гимн Кашина «В честь защитников Петра Града». «Целая Россия», писали журналы, — эхом повторила его громко, звучно, так что два года спустя, в 1814 году, он отозвался на берегах Темзы, на празднике, данном Лондонском казачьему атаману Платову со товарищи».

Песни Кашина пелись тогда на всех перекрёстках. На русской сцене они вызвали бурю восторга. Да это и понятно. В те дни, когда едва отгремела гроза вражеского нашествия, всякий родной напев воспринимался с особой остротой.

«Для нас это была не только музыка, — вспоминает один из современников, — для некоторых это была далёкая деревня, где они увидели свет, узнали любовь, похоронили отца; для всех — это была отчизна, семья, единство желаний и помыслов. И всё это воскресило в душах музыка несколькими знакомыми с детства звуками так, как не сумеет сделать ни перо барда, ни кисть художника. Такая музыка должна остаться национальной, пока жив народ, имеющий счастье обладать ею...»

Ещё одним благим начинанием обязана Даниилу Кашину русская музыкальная культура. На заре русского «песнепечатания» Кашин предпринял издание «Журнала Отечественной Музыки». В нём должны были найти место особо редкие старинные песни, музыка древних былин об Илье Муромце, о князе Владимире.

«Музыка сия, — говорил Кашин, — составляет редкость драгоценную для всякого Русского. И журнал сей должен быть некоторым образом Историею и памятником постепенных перемен и успехов Русской мелодии...»

При жизни Кашина успело выйти в свет лишь несколько номеров редкого журнала, положившего основание идее периодических изданий памятников русского народного музыкального творчества. Вполне этой идее суждено было осуществиться только спустя многие десятки лет.

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В первой половине июня в американской печати было опубликовано заявление главы воздушных сил США генерала Арнольда о том, что американское командование намерено расширять масштаб воздушных операций над Японией и что предполагается держать промышленные районы и крупнейшие города страны под непрерывным огнём с воздуха. В некоторых случаях американская авиация уже осуществляет «конвейерную бомбардировку», применяя главным образом зажигательные бомбы, которые сбрасываются в огромном количестве над военными объектами в японских городах. Общее количество таких бомб, сброшенных при некоторых налётах на Токио, Нагасаки, Кобе, Нагойя, исчислялось сотнями тысяч штук. Уже передки случаи, когда общий вес бомб, сброшенных в течение одного налёта, достигал двух-трёх и более тысяч тонн.

Столь широкие воздушные операции стали возможны в результате завоевания американскими экспедиционными силами на Тихом океане многочисленных баз в Океании и Микронезии, т. е. в той части океана, где находятся сотни и тысячи островов и атоллов. Наступление американских военно-морских, воздушных и десантных сил по направлению к Японским островам продолжается уже почти три года, но оно, по видимому, всегда преследовало, между прочим, и такую цель, как овладение цепью стратегических авиационных баз.

Вот как выглядит «календарь» постепенного перемещения зоны военных действий на запад, к берегам Японии:

11 августа 1942 года американские комбинированные отряды высадились на Соломоновых островах. Семь месяцев продолжалась борьба. Закончилась она тем, что японские войска, оборонявшиеся здесь, почти целиком погибли. Генерал Макартур получил после этого возможность

развить широкие операции на острове Новая Гвинея, на островах Адмиралтейства и практически окружить японские гарнизоны на островах Новая Британия и Новая Ирландия (бывший архипелаг Бисмарка).

20 ноября 1943 года американские десанты высадились на островах Джильберта по соседству с Маршалскими островами.

31 января 1944 года были заняты наиболее важные острова Маршалской группы.

В июне 1944 года американские десанты заняли ряд островов Марианской группы в 1500 милях (2400 километрах) к западу от Маршалских островов. Такими «шагами» аме-

риканцы перемещали свои базы на запад. С занятием Маршалских и Марианских островов была прорвана внешняя оборонительная линия Японии. Потребовалось несколько недель напряжённых работ, чтобы оборудовать на Марианских островах, в особенности на острове Сайпан, аэродромы. Эта работа была выполнена, и уже 24 ноября тяжёлые бомбардировщики «Б-29» смогли совершить первый налёт на Токио, поднявшись с баз на острове Сайпан.

В октябре 1944 года началась операция по отвоеванию Филиппин. В основном она закончена, хотя для этого потребовалось почти 9 месяцев.

19 февраля нынешнего года американские десанты высадились на острове Иводзима (острова Волкано). 16 марта Иводзима была окончательно занята. Этот остров находится в системе внутренней морской обороны Японии и расположен всего в 750 милях (1200 километрах) от неё.

1 апреля американские войска высадились на острове Окинава, крупнейшем из островов Рюкю, находящемся на расстоянии всего 375 миль (600 километров) от Японии. Борьба на острове Окинава продолжалась 12 недель. Упорство, проявленное японскими войсками, очень легко объяснить. Для этого достаточно только посмотреть на карту.

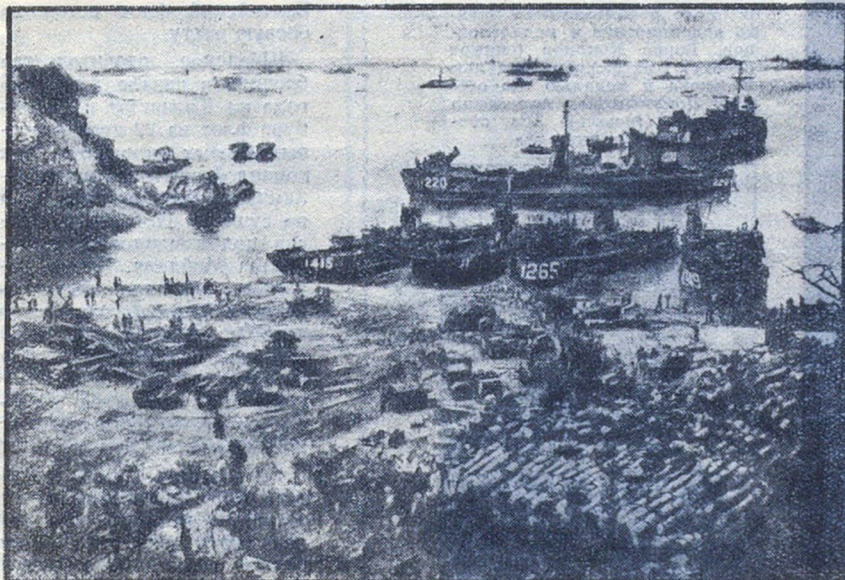
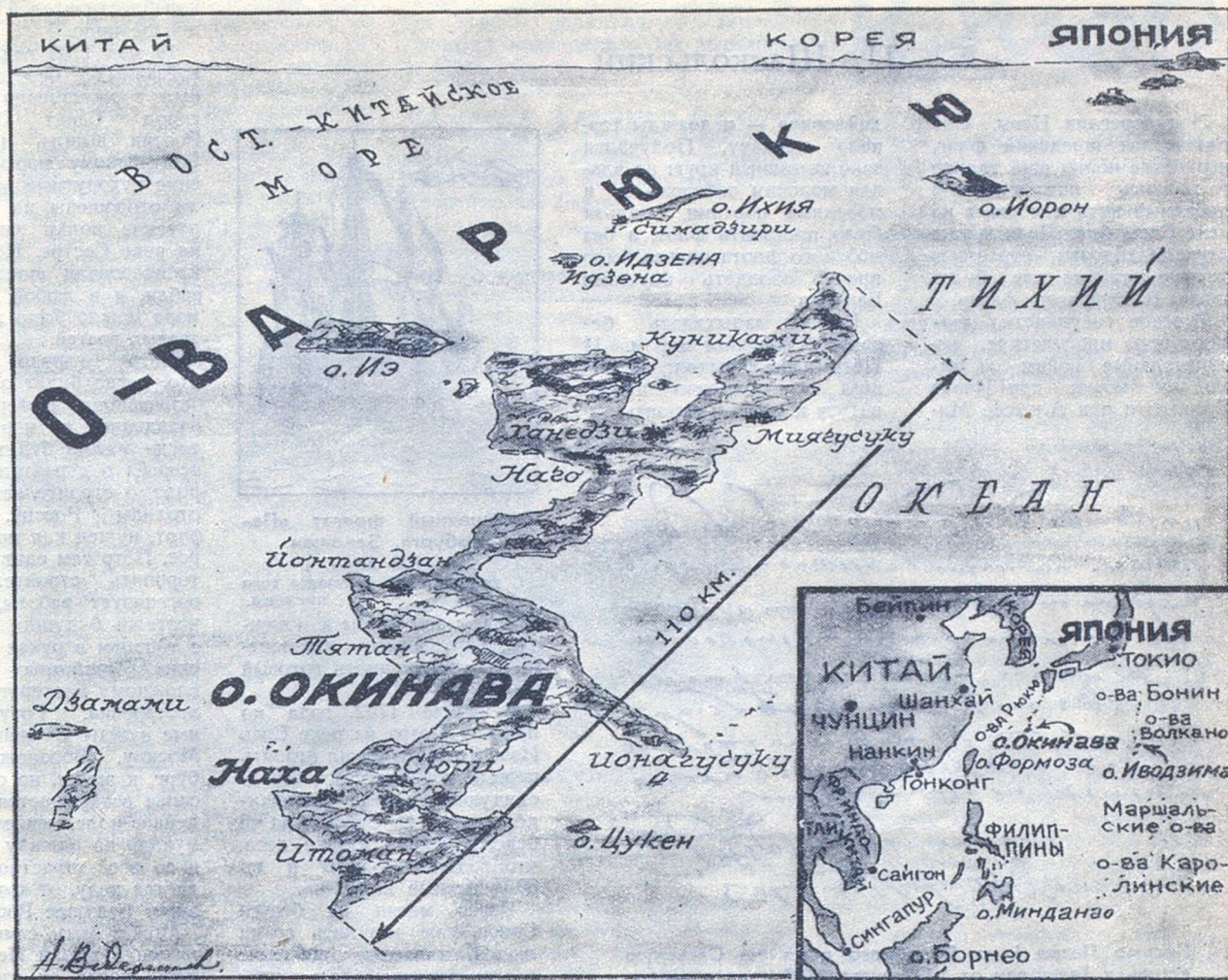
Прежде всего остров Окинава достаточно большой, чтобы на нём могли быть развернуты крупные аэродромы не только для сверхмощных бомбардировщиков «Б-29», но и для обычных тяжёлых машин, обладающих средним радиусом действия, как например «Либейтор», «Ланкастер», «Б-17» и др. Затем этот остров ближе всего расположен к побережью Китая и даёт, таким образом, возможность американской авиации контро-

лировать Формозский пролив, через который только и могут сообщаться японские силы, изолированные в Индонезии, с Японией морским путём. Правда, используя аэродромы в Китае и Индокитае, японцы могут без труда поддерживать сообщение по воздуху. Но для снабжения крупной армии, находящейся на островах Индонезии, грузоподъёмность транспортных самолётов недостаточна. К тому же Япония не располагает сколько-нибудь серьёзным воздушным транспортным флотом. Попытки японского командования проложить сухопутные коммуникации через Южный Китай, Индокитай, Таи и Малайю не увенчались успехом. Таким образом, для питания своей полуокружённой армии в Индонезии японское командование вынуждено использовать прежде всего морской транспорт. Но для этого нужны обеспеченные морские коммуникации, а они-то и поставлены под удар в связи с высадкой американцев на острове Окинава.

В настоящее время англо-американское командование накапливает силы для решительных операций. Как известно, основные армии США, действовавшие в Европе, как и крупные соединения английских войск, перебрасываются на Тихий океан. Туда же отправлены и продолжают отправляться соединения военно-морского и воздушного флотов, операции которых ранее были связаны с ходом войны на европейском континенте.

В каком направлении англо-американское командование намерено нанести главный удар: непосредственно по Японии, либо в Китай, либо в Японию и Китай одновременно? Это самый серьёзный и наиболее интересный вопрос, и можно полагать, что предстоящие в ближайшем будущем операции союзных сил дадут на него ясный ответ.

И. Е.

НА ОСТРОВЕ ОКИНАВА ПОСЛЕ ВЫСАДКИ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК. Десятки и сотни десантных судов непрерывно подвозят боеприпасы и снабжение.

РОЖДЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

И. Шаскольский

Над берегами Невы ещё развевался шведский флаг, и русские полки ещё только готовились начать свой победный путь к морю, а на реке Сясь, близ Ладogi, уже стучали топоры: строились первые корабли для будущего Балтийского флота.

Русское государство дважды вело многолетние, изнурительные войны за выход к морю: при Иване Грозном и при Алексее Ми-

хайловиче — и дважды терпело неудачу. Получался заколдованный круг: не владея морским побережьем и морскими портами, нельзя было построить флот, а без морского флота нельзя было прочно овладеть берегами Балтики.

Россия задыхалась без связи с внешним миром. И Пётр нашёл выход: он решил одновременно пробиваться к морю и строить ко-

28-пушечный фрегат «Петербург». Заложён в 1703 году.

С голландской гравюры того времени.

рабли, с тем чтобы к моменту решительного столкновения с врагом иметь готовый флот.

В начале 1702 года по приказу Петра на реке Сясь Иван Татищев начал строить первые морские суда. Зимой следующего года Меньшиков поехал на Свирь и на её берегах нашёл «такие леса, что годились... хоть и на 50-пушечные корабли».

Через месяц на берега Свири уже тянулись сотни людей, подводы, воинские части: закладывалась первая большая корабельная

верфь в России. И вскоре вокруг верфи вырос город кораблестроителей — Лодейное поле.

16 мая 1703 года на отвоёванных берегах Невы был торжественно заложен город Санкт-Петербург. Россия вышла, наконец, к Балтийскому морю. Шведские сухопутные войска были отброшены на север, и русские полки закрепились на реке Сестре. Но на море крейсировали шведские корабли, и в любой момент с моря можно было ждать незваных гостей.

Пётр отлично понимал, что, когда будет обеспечена безопасность Петербурга от нападения с моря, только тогда можно будет думать всерьёз о строительстве города, о строительстве новой столицы России. Нужен флот, нужен как можно скорее. Пётр сам едет на Свирь торопить строителей, сам организует работы, делает чертежи будущих кораблей, с топором в руках учит русских «работных людей» сложному мастерству кораблестроения. Государственные нужды увлекают царя в Москву, Воронеж, Петербург, к армии, но он снова и снова возвращается в Лодейное поле, меняет военный мундир на одежду плотника и со всей страстностью отдаётся делу, от которого зависит будущее России.

Может быть, самым счастливым в жизни Петра был день, когда он взойшёл на палубу первого спущенного

Пётр I.

С гравюры Генрикеца. 1772 год.

на воду корабля будущего флота — фрегата «Штандарт».

Больше месяца Пётр не сходил с борта фрегата, плавая на нём по Ладожскому озеру, Неве и взморью. Вслед за «Штандартом» со станилей стали спускаться в тихие воды Свири фрегаты, галеры, бригантины. Со всех концов страны потянулись к Свири подводцы с канатами, парусиной и разной корабельной снастью; шли новые партии плотников, кузнецов, черноработных; везли с Урала якоря и медные пушки. Вся Россия строила свой первый морской флот.

Летом 1704 года построенная на мели к югу от острова Котлина крепость Кроншлот одна своими пушками отбила от нападения шведской эскадры. Сперва шведы не придали должного значения Кроншлоту и Петербургу, рассчитывая шутя справиться с ними. Неудача должна была заставить шведские военные власти принять более решительные меры. На следующее лето надо было ждать к Петербургу крупные силы шведов и с суши и с моря. К этому времени русский флот должен был быть построен.

Сотни людей, строивших корабли, не щадили сил: только бы успеть! И трёхлетний напряжённый труд не пропал даром: весной 1705 года на простор Финского залива с распущенными парусами вышли 14 больших кораблей и 7 галер. Это был первый военно-морской флот России. У острова Котлин Балтийский флот встал на боевую вахту.

Шведское правительство бросило в начале лета 1705 года на Кроншлот и Петербург флот из 22 первоклассных боевых кораблей под командой опытного моряка — адмирала Анкерштерна, — а по суше на Петербург — войска под командованием генерала Майделя. Перед началом операции Майдель посетил Анкерштерна на его корабле; адмирал, уверенный в успехе, пригласил генерала на торжественный пир, который он собирался дать 4 июня в крепости Кроншлот по случаю её взятия.

На рассвете 4 июня шведский флот стал подходить к острову Котлин. В подзорную трубу уже ясно были видны низкий болотистый остров и к югу от него поднимающаяся из воды крепость Кроншлот. Но между

Письмо Петра I из Лодейного поля на Сясьскую верфь к Татищеву от 12 августа 1703 года с требованием ускорить постройку судов.

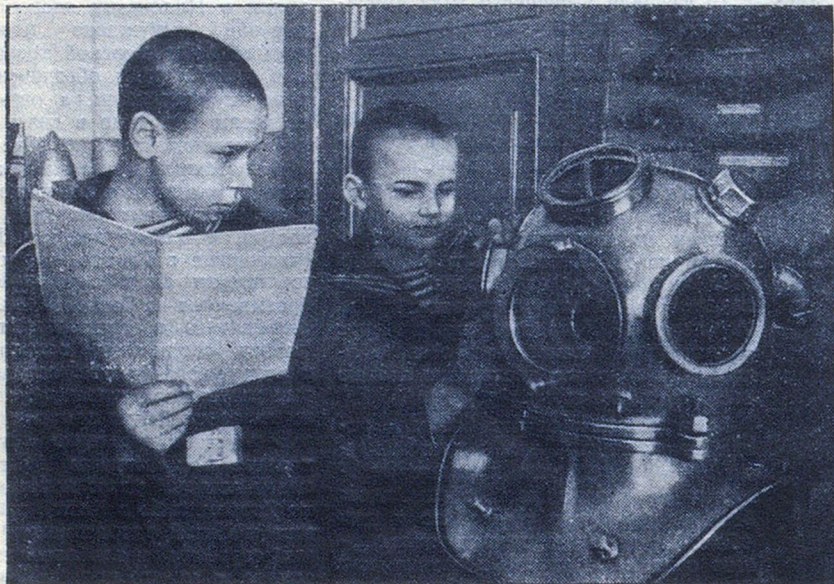
Письмо Петра I из Лодейного поля на Сясьскую верфь к Татищеву от 12 августа 1703 года с требованием ускорить постройку судов.

НАХИМОВЦЫ

Фото С. Шиманского

В одном из лучших зданий Ленинграда, в «Школе имени Петра Великого», осенью прошлого года открылось Нахимовское военно-морское училище. Здесь учатся дети моряков, воинов Красной Армии и партизан, а также сыновья советских и партийных работников, погибших от рук немецких захватчиков.

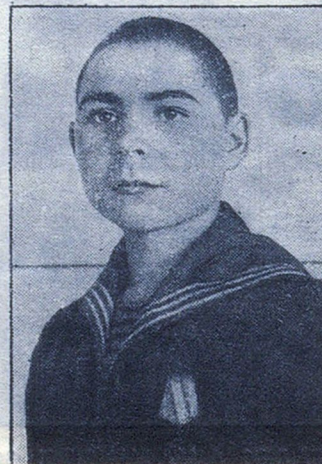
Нахимовское училище готовит будущих офицеров флота. Маленькие моряки приходят сюда по окончании двух классов начальной школы. Курс обучения в училище — 8 лет. Нахимовцы изучают математику, морское дело, химию, физику, космографию, географию, историю. Большое внимание уделяется изучению русского языка и литературы. Каждый окончивший училище должен хорошо владеть иностранным языком. Введены и такие предметы, как музыка, пение, танцы. Особое место занимает физическая подготовка. Моряк должен быть хорошим спортсменом, сильным, здоровым, выносливым.

Воспитанники Евгений Петрикевич и Валентин Котов изучают водолазное снаряжение.

В числе воспитанников немало орденосцев и медалистов. Борис Кривцов (снимок сверху) награждён медалью Ушакова и медалью «За оборону Ленинграда». Александр Дворов — медалью «За оборону Ленинграда».

Аф. Белов

Рисунки А. Каневского

Признание зрителя пришло к нему впервые, когда он объявил со сцены, что наши войска с боями заняли город Харьков.

Если бы в середине зрительного зала упала фугасная бомба, то её взрыв, наверное, наделал бы меньше шума, чем выступление Владимира Александровича. Поднялся такой крик и треск, что Владимир Александрович серьёзно опасался, как бы этим ураганом его не смахнуло в оркестровую яму. Этот знаменательнейший вечер был одним из самых счастливых в его жизни, но его можно считать с одинаковым правом и несчастным для Владимира Александровича, так как именно с этих пор у него началась непреодолимая страсть к важным объявлениям. Именно с этих пор благодущный Владимир Александрович стал недоверчив и подозрителен. Он боялся, что кто-нибудь ещё будет претендовать на это трепетное право важной информации, и ревниво оберегал его, но никто не собирался так жестоко обижать мирного и всеми любимого Владимира Александровича. Он стал как бы штатным информатором важных сообщений, в которых в течение последних лет недостатка не было.

В дни наступления Владимир Александрович всегда был в театре, вне зависимости от того, занят он в спектакле или свободен. Он, как рыбак, сидел у репродуктора и вылавливал крупную рыбу в воде каждодневного радиовещания. Бывало, что улов оказывался огромным, и тогда он сотрясал радостью зрителей по несколько раз за один вечер. С особенным упоением местный Левитан объявлял, когда наши войска овладевали какой-нибудь столицей. Тут его темпераменту и вдохновению не было предела. Его уже знали, его любили. Как только он появлялся в антракте перед занавесом, в зале раздавался приветственный шумок, на смену которому сразу

приходила могилая тишина. Вот эти секунды абсолютного покоя, перед короткой оглушительной грозой, он любил больше всего. Но вершина успеха, разумеется, была впереди. День, когда придётся объявить о падении Берлина, ему мерещился близкой и вполне осязаемой мечтой. Он ждал этого дня. Он готовился к нему. Он знал уже наслух поведение зрителей. Он был справедливо уверен, что договорить до конца ему не дадут. Он молил всех богов, чтобы это не случилось в понедельник, когда в театре не было спектаклей. Лучше всего, если бы это грандиозное событие было приурочено к какой-нибудь годовщине или в крайнем случае к рядовому воскресенью.

Но наши героические войска не знали тревожного состояния Владимира Александровича и ворвались с двух сторон в Берлин во вторник, в обыкновенный, будний день. Это стало известно около 9 часов вечера, когда Владимир Александрович был дома и ничего подобного не ожидал. Войска 1-го Белорусского фронта были на правом берегу Одера. Перед Берлином были ещё Франкфурт на Одере и несколько десятков километров тяжёлого пути. Владимир Александрович был удивлён, обрадован и зол на самого себя. Накинув пальто сразу поверх рубашки, он стремглав полетел в театр. К счастью, это было недалеко. Времени у него было вполне достаточно, чтобы не торопясь дойти до театра и, не очень волнуясь, появиться перед зрителем со счастливой и радостной вестью.

Но он не мог не волноваться, не мог не спешить в этот вечер и поэтому решил прыгнуть на ходу в трамвай, с тем чтобы как можно скорее появиться в театре.

Считается уже установленной истиной, что несчастье не приходит одно. И действительно: после продолжительного свистка трамвай остановился и Владимиру Александровичу пришлось сойти на мостовую для объяснения.

Сколько он до этого не нарушал правил трамвайного движения, он никогда не попадал в руки контролёров, а сегодня, в такой волнующий день, когда в театре его как счастливого вестника ждёт сотни зрителей, он вдруг стал несчастной жертвой. Беда была бы вполне поправимой, если бы Владимир Александрович мог заплатить штраф. Но он, к своему ужасу, не обнаружил на себе пиджака, в котором лежал его бумажник.

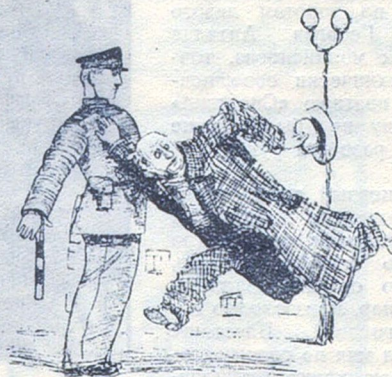
— Вот в чём дело, — тяжело дыша, начал Владимир Александрович, — наши войска ворвались в Берлин... Деньги у меня дома... Они вырвались за Одер.

— Очень хорошо, — сказал контролёр, — но вам-то вырваться не удастся.

— Видите ли, я спешу. Меня ждут, вы понимаете... Берлин... Островскому нельзя поручать Берлина, ведь это не Пропойск, это Берлин.

— Ничего, ничего, там разберёмся, — заметил контролёр.

— Но это же глупо! — протестовал Владимир Александрович. — Берлин — и вдруг Островский. Минск — я, Киев — я... всё — я, а Берлин — вдруг он. Я никому не отдам Берлина, так и знайте!

— В чём дело, гражданин? — милиционер был суров.

— Зря упираетесь, гражданин, ничего из этого не выйдет, — контролёр оборвал разговор и более настойчиво подтвердил свой первоначальный маршрут.

Было совершенно очевидно, что эа недолюбливал длиннот и предпочитал боевые действия мирным переговорам. Это последнее обстоятельство и побудило Владимира Александровича к безумному шагу. Вернее — к бегу. Он вдруг вырвался из рук контролёра и бросился бежать. Он бежал, как иступлённый, толкая и сбивая с ног встречающих, не обращая внимания на истошные трели свистков, пока, наконец, не попал в объятия постового милиционера.

— В чём дело, гражданин? — милиционер был суров, вернее, грозен.

— Видите ли, — заикаясь, заговорил Владимир Александрович, — пиджак мой дома. Я этого не ожидал. Они

Юмор

ворвались так стремительно. Конечно, денег у меня не оказалось. Вы-то, надеюсь, меня поймёте?

Надежды были преувеличенными. Милиционер его не понимал.

— Войдите в моё положение... Сиж у дома... Вдруг они врываются... Я не ожидал, конечно... До этого было сравнительно тихо...

— Спокойно, гражданин, спокойно. Расскажите по порядку: кто именно врывается?

— Первый врывается Белорусский. Это надо было ожидать. Впереди Одер, Франкфурт. А я сижу, чай пью. Сами понимаете, какой это значительный момент.

Вдруг хмурое лицо милиционера стало распываться:

— Позвольте, гражданин. Так вот вы о чём. Берлин?

— Именно, именно. Сам слышал, только что прочитали. Товарищи, наши войска ворвались в Берлин! — крикнул вдруг Владимир Александрович на всю площадь.

Довольно плотная толпа любопытных, которая окружала их до этого, потеряла вдруг всякий интерес к назревавшему конфликту между милиционером и нарушителем. Все заговорили, зашумели, каждый обращался к незнакомому соседу, словно тот был его самый задушевный друг.

— Скажите, пожалуйста, что делается! — восхищённо воскликнул милиционер, забыв о Владимире Александровиче и с улыбкой наблюдая, как отходят трамваи.

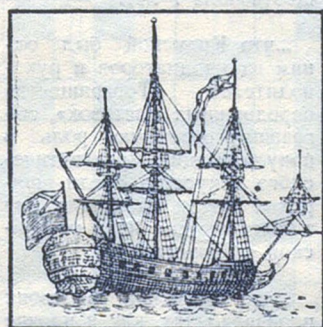
Воспользовавшись шумом и неразберихой, которая поднялась на площади, Владимир Александрович выскочил из толпы и помчался к театру.

Но, разумеется, опоздал. Он вбежал за кулисы в тот момент, когда зал уже сотрясали от восторженных криков и аплодисментов. За всю свою тридцатилетнюю актёрскую практику Владимир Александрович никогда не слышал ничего, даже приблизительно похожего. Ни один самый знаменитый гастролёр не вызывал никогда таких громовых и продолжительных оваций, как администратор Островский, которому посчастливилось объявить о вторжении в Берлин.

крепостью и островом зоркие глаза шведских моряков заметили стройные ряды русских судов, преграждавших врагу путь к Петербургу. Шведские моряки не верили своим глазам. Ещё два года назад у России совершенно не было флота, не было даже выхода к морю. Создать флот в такой срок! Это сделать не смогла бы в то время ни одна страна, кроме необъятной России.

Шведский флот встал на якорь в миле от острова и в первый день не решился начать бой. Адмирал и его офицеры заново составляли план операции.

5 июня, утром, на корабле адмирала Анкерштерна взвился кроваво-красный флаг — сигнал для начала боя. Грозный шведский флот двинулся на русские корабли. И по вооружению и по количеству судов шведы

Фрегат «Штандарт», первый корабль Балтийского флота.

С голландской гравюры того времени.

были сильнее. Подойдя на пушечный выстрел, они открыли ожесточённый огонь по крепости Кроншлот и по русскому флоту. Русские

корабли открыли ответный огонь. Так Балтийский флот начал свой первый бой.

Шведы обрушили на русских всю огневую мощь своего флота. Вражеские корабли подходили всё ближе, стреляя почти в упор. Но русские держались непоколебимо. Корабли, получившие повреждения, оставались в строю. Ответный русский огонь наносил сильный урон вражеским судам.

Несколько часов длился бой. Наконец адмирал Анкерштерн понял, что прорваться сквозь строй русских судов не удастся. Шведы стали отходить. Русский Балтийский флот с честью выдержал своё первое боевое испытание.

Командующий русским флотом вице-адмирал Крюйс, в течение всего дня находившийся в самых опасных местах, отлично понимал,

что первая неудача не оставит врага. Дав своим морякам короткий отдых, Крюйс ночью приказал готовиться к новому бою.

Шестнадцать дней шведский флот стоял на виду у Кроншлота, неоднократно повторяя попытки прорвать ряды русских кораблей. Несколько раз пытался Анкерштерн взять Кроншлот, бросая против крепости лучшие силы своей эскадры. Но крепость и флот совместным огнём отразили все атаки врага.

Шведскому адмиралу пришлось признать горькую истину: морская экспедиция на Петербург провалилась.

В это время сухопутная армия генерала Майделя, не получив поддержки флота, была отброшена от Петербурга.

21 июня шведский флот поднял паруса и выступил в обратный путь, признавая

своё поражение в первом бою с русским флотом.

С тех пор 240 лет охраняют балтийские корабли подступы к великому городу на Неве. Балтийские моряки осаждали Денциг и Кольберг, дрались при Гангуте и Гренгаме, под Чесмой и Наварином и под Цусимой, на просторах Балтики и на площади Зимнего дворца. И когда в наши дни над островом Котлин вновь зазвучала боевая тревога, Балтийский флот нерушимой стеной преградил врагу путь к порогу Ленинграда. В боях за Ленинград, в боях за освобождение Прибалтики от фашистских захватчиков Балтийский флот вписал в свою двухсотсопятилетнюю историю новые славные страницы. Весной 1945 года балтийские моряки внесли свой вклад в окончательную победу над гитлеровской Германией.

СПОРТ

ПОБЕДЫ ФУТБОЛИСТОВ

В истории всесоюзных футбольных первенств не было прецедента, когда бы сильнейшая команда или будущий чемпион провёл пять первых матчей без поражений и ничьих, имея в балансе четыре «сухих» выигрыша, пятнадцать забитых мячей и один пропущенный гол. Такой рекорд установила тбилисская команда «Динамо» в турнире 1945 года.

В начале состязаний 1945 года лучшая команда Грузии принимала первых противников на своём поле. На стадионе имени Берия местные болельщики три раза давали волю своим патристическим чувствам. Одна за другой были обыграны «всухую» команды: ленинградское «Динамо», победитель «Кубка СССР» 1944 года «Зенит» и минское «Динамо». По дороге в Москву тбилисцы встретились в Сталинограде с «Трактором», которому проиграли в 1940 году и поэтому тогда остались на втором месте в турнире страны. Сильный соперник на этот раз потерпел поражение со счётом 0:4. С незапятнанной защитой грузинские футболисты приехали в Москву.

В чудесный воскресный день стадион «Динамо» наполнился 70 тысячами зрителей. Матч тбилисцев со «Спартаком» оказался луч-

шим из 25 футбольных игр на первенство страны в 1945 году. Не успела стрелка часов на восточной трибуне совершить свой второй минутный шаг, как в ворота у западной трибуны влетел мяч. Первая атакующая волна тбилисцев с решающим ударом по воротам левого инсайда Георгия Антадзе была так молниеносна, точна и технически совершенна, что вратарю «Спартака» Леонтьеву не было даже времени развести рук.

Весь первый тайм гости были хозяевами поля. Они легко отнимали мяч, быстро и точно передавали его, идеально останавливали кожаный шар, превосходно играли головой. Блестяще проводил мяч по своему правому краю капитан тбилисской команды Гайоз Джеджева. Явное превосходство гостей подчёркивалось каждый раз, когда вратарь Леонтьев судорожно хватал мяч, метко пробитый в охраняемую площадь голкипера. Леонтьев раз десять удачно ловил мяч, не допуская его коснуться сетки. Но ещё раз за первые три четверти часа мяч прорвал леонтьевский заслон.

Второй тайм начался такой же темпераментной игрой динамовцев. Снова мяч, как иглолка к магниту, прилипал к ногам и головам

Матч между командами «Динамо» (Тбилиси) — «Спартак» (Москва). К неопишному восторгу юных болельщиков мяч залетел на трибуны.
Фото Н. Волкова

бело-синих и, как горошинка, отскакивал от игроков «Спартака». С середины тайма спартаковцы прижали тбилисцев к воротам. Форвард Тимаков перекинул мяч через выбежавшего вратаря Саная, и мяч упал в ворота Грузии.

Счёт 2:1 в пользу тбилисского «Динамо» остался до конца матча.

Игроки команды «Динамо» отличались высоким

футбольным мастерством, тщательной тренированностью и разработкой комбинаций (заслуга тренера А. Жордания), дружным взаимодействием. Единственно, чего не хватало этой блестящей команде, чтобы стать безукоризненным ансамблем «большого советского футбола», — это выдержки. Но это уже задача более лёгкая.

Победители — тбилисцы остались лидерами турнира,

имея 10 очков из 10 возможных. За ними следуют команда ЦДКА с одним потерянным очком и московское «Динамо» — с двумя потерянными очками. Такое положение в футбольном первенстве «двенадцати сильнейших» в середине первого круга игр.

Платон ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер
спорта СССР

Почему мы так говорим

БЛИЗОРУКИЯ

Странно звучит слово «близорукий». При чём здесь рука? Парное слово «дальновзоркий» связано по смыслу со зрением. Было связано когда-то и близорукий: раньше оно звучало «близозорокий». Но так как в живом языке слова часто упрощаются путём отбрасывания повторяющихся звуков или слогов (так называемая гаплогогия; например, вместо правильного минералогия — минералогия), то из «близозорокий» получилось «близорукий». Как часто бывает в народной этимологии, ставшее после сокращения непонятным «рокий» по ассоциации с понятным «рука» стало «рук-ный».

БАБА-ЯГА

Имя безобразной Бабы-Яги русских сказок кажется нам сейчас ничего не означающим. Между тем «яга» — производное от старинного глагола «ягать» — кричать, бушевать, ругаться, — сохранившегося ещё в некоторых районах в народном языке.

ЛЕТУН

В народном языке давно существовало слово «лытать» — уклоняться от дела, шататься, скитаться. Давать лытка — значит скрыться, улизнуть. Праздник гуляка — лытала, лытень, летун. Как это часто бывает (такое явление называется «народной этимологией»), горожане, слыша пришедшее из деревни, странно звучащее слово, путём небольшого изменения переосмыслили его, превратив «лытун» в меткое, новое слово «летун».

И. УРАЗОВ

Знаете ли Вы...

... что известный художник-живописец Иван Николаевич Крамской, основоположник и руководитель могучего движения художников-реалистов 60-х годов, начал свою карьеру иконописцем и ретушёром фотографических портретов?

... что под предводительством Крамского, тогда студента Петербургской академии художеств, произошёл в 1863 году известный «бунт» воспитанников Академии, отказавшихся «выполнить» заданную им конкурсную работу в виде протеста против мертвящей рутины академического преподавания?

... что Крамской был одним из основателей и старостой «Художественной артели», организованной «бунтарями», покинувшими Академию художеств? Эта артель выпол-

няла на кооперативных началах все виды художественных работ — от картин до вывесок. В её состав входили крупнейшие художники: Ф. Васильев, Якоби, Шишкин, Маковский, Корзухин и др. Артель просуществовала 7 лет.

... что Крамской был одним из инициаторов и руководителей «Товарищества передвижных выставок», сыгравших огромную роль в популяризации реалистического искусства среди широких масс населения не только столиц, но и российской провинции?

... что Крамской в своих произведениях, как и прочие «передвижники», стоял в вопросах искусства на позициях, сформулированных Чернышевским в его знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»?

... что Крамской был не только талантливым художником, но и крупным теоре-

тиком искусства и художественным критиком? Его статьи по вопросам искусства и его переписка с Репиным, Стасовым, Третьяковым и др. представляют крупный интерес и в настоящее время.

... что в одном из писем к Репину Крамской писал: «Искусство только тогда сильно, когда национально. Вы скажете — а общечеловеческое? Да, но это общечеловеческое пробивается в искусстве только через национальную форму».

... что в другом письме Крамской разъяснял: «Если существует так называемое общечеловеческое искусство, то только в силу того, что оно выражено нашей, которая идёт впереди общечеловеческого развития. Если когда-нибудь Россия суждено занять такое положение среди народов, то и русское искусство, будучи глубоко национальным, станет общечеловеческим».

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Н. Зубарёва

ПАРТИЯ

играна в финале XIV первенства по шахматам

Сицилианская

Смыслов (Москва) Рудаковский (Ейск)

1. e2—e4	c7—c5
2. Kgl—f3	e7—e6
3. d2—d4	c5:d4
4. Kf3:d4	Kg8—f6
5. Kbl—c3	d7—d6

Так называемый «шевингенский» вариант сицилианской партии, который охотно избирается мастерами в серьёзных, турнирных партиях. Вариант этот преобладает от чёрных очень точной игры.

6. Cf1—e2	Cf8—e7
7. 0—0	0—0
8. Ccl—e3	Kb8—c6
9. f2—f4	Фd8—c7
10. Фd1—e1	Kc6:d4
11. Ce3:d4	e6—e5
12. Cd4—e3	Cc8—e6

Весь маневр этим слонком является совершенно ошибочным. В результате размена слона ослабляется пункт d5 и белый конь получает возможность прочно укрепиться в центре доски. Чёрным следовало играть 12. ... Cc8—d7 и затем Cd7—c6.

13. f4—f5	Ce6—c4
Следовало, хотя и с потерей темпа, но всё же продолжать 13. ... Cd7 и Cc6.	
14. Ce2:c4	Фс7:c4
15. Ce3—g5!	...

Белые стремятся уничтожить последнюю лёгкую фигуру чёрных, которая контролирует пункт d5.

15. ...	Lf8—e8
16. Cg5:f6	Ce7:f6
17. Kc3—d5	Cf6—d8

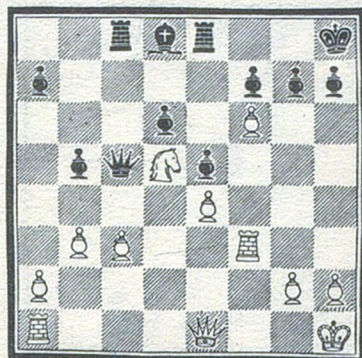
Если 17. ... Ф:c2, то 18. Лc1, Ф:b2 и белые, конечно, не выигрывают качеством ходом Кс7, а продол-

жают атаку на королевском фланге, играя: 19. Фg3, Крf8; 20. Фh3 и т. д. (указано мастером Пановым).

18. c2—c3	b7—b5
19. b2—b3	Фс4—c5+
20. Kpg1—h1	Ла8—c8
21. Лf1—f3	Kpg8—h8

Следовало предотвратить возможность продвижения белой пешки f, сыграв 21. ... f7—f6. В этом случае белым труднее было бы провести атаку.

22. f5—f6!

Этим простым ходом белые быстро добиваются решающего преимущества.

22. ... g7:f6

На 22. ... С:f6 белые могли продолжать атаку ходами 23. К:f6, g7; 24. Фh4 и т. д.

23. Фe1—h4

Угрожало 24. Лh3.

24. Kd5:f6	Lg8—g7
25. Lf3—g3	Cd8:f6

Защищаясь от угрозы 26. Ф:h7+ и Лg8X. Если 25. ... Ce7, то 26. Л:g7, Кр:g7; 27. Ф:h7+, Кр:f6; 28. Лf1+, Кре6; 29. Фf5X.

26. Фh4:f6	Lc8—g8
27. Ла1—d1	d6—d5
28. Lg8:g7!	Чёрные сдались.

На 28. ... Л:g7 следует 29. Л:d5 и Лd8.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Торчинского

ПАРТИЯ

А. Алексеев (белые) С. Рыбкин (чёрные)

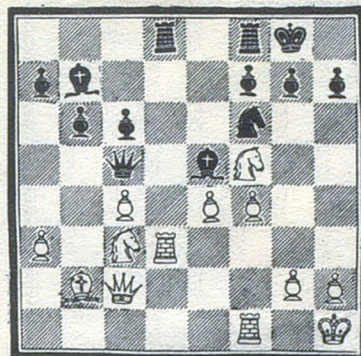
Игралась в Москве в 1945 году

1. c3—d4	d6—c5
2. b2—c3	e7—d6
3. g3—f4	...

Здесь хорошо также играть 3. c3—b4, немедленно атакуя правый фланг чёрных.

ИНТЕРЕСНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Эта позиция получалась в партии Ботвинник—Кобленц, игранной в финале XIV первенства СССР.

У чёрных имеется соблазнительная возможность взять ферзем пешку c4 с нападением на ладью d3. Белые не могут на это ответить взятием на d8, а затем fe, так как под ударом остаётся ладья f1. В партии последовало: 22. ... Фс5:c4? 23. f4:e5!; Лd8:d3; 24. e5:f6.

Чёрным пришлось сыграть 24. ... Лd3—d7 и после 25. Фс2—c1, Лf8—d8; 26. Лf1—g1 и в виду безнадёжности дальнейшего сопротивления сдать партию.

3. ... f6—g5

Слабее было бы 3. ... f6—e5; 4. d4:f6 g7:g3; 5. h2:f4 h8—g7; 6. f2—g3 g7—f6; 7. g3—h4 с инициативой у белых.

4. f2—g3

Лучше было 4. c1—b2

4. ... g5—h4

Чаще здесь играют 4. ... f8—e7 и если 5. g3—h4, то 5. ... b6—a5 и т. д.

5. g1—f2 f8—e7

6. a1—b2

Белые избирают ловушечное предложение. Нужно было 6. c1—b2.

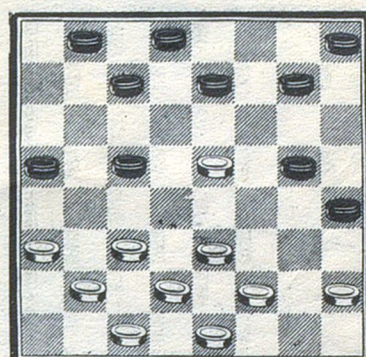
6. ... b6—a5

7. d4:b6 a7:c5

8. f4—e5(?)

Авантюрный ход, после которого чёрные могли выиграть партию. Следовало играть 8. c3—d4.

8. ... h6—g5?

9. e5—d6!! c7:e5

10. f2—g3! h4:d4

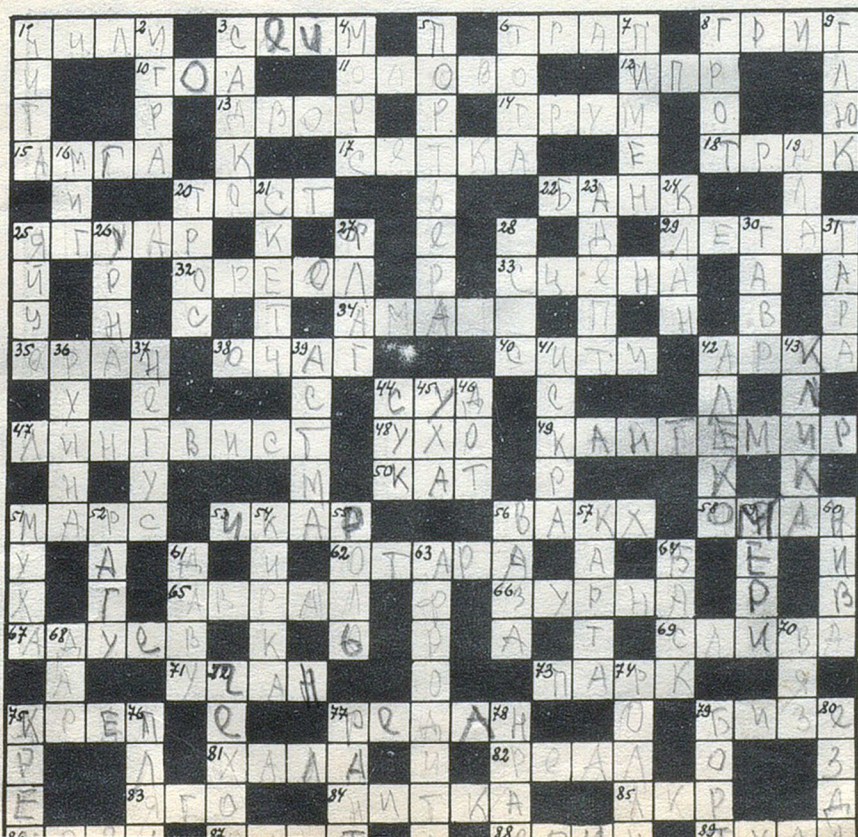
11. c3—b4! a5:c3

12. c1—b2 a1:c3

13. d2:d6, забирая шесть чёрных шашек и легко выигрывая.

КРОССВОРД

Оставил читатель «Огонька» лейтенант А. И. Филин.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Не суетитесь, господа «архитекторы»! Не обособленные блоки, а подлинная демократизация европейских государств — гарантия общего мира и безопасности.

Рисунок Бор. Ефимова